

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

НАСТОЯЩЕЕ
ПРОШЛОЕ

КАЖДОМУ ПО ДЕЛАМ ЕГО

Настоящее прошлое

Роман ЗЛОТНИКОВ

**Настоящее прошлое.
Каждому по делам его**

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Злотников Р. В.

Настоящее прошлое. Каждому по делам его / Р. В. Злотников —
«Эксмо», 2022 — (Настоящее прошлое)

ISBN 978-5-04-187677-7

«Всё, изложенное в этой книге — есть полная и абсолютная фантазия». —
Р. Злотников Как бы не так! Автор переносит нас в дни своей юности,
наполненной музыкой, спортом, любовью и планами на светлое будущее,
поэтому в книге правды больше, чем обещают первые строки. Продолжение
цикла про попаданца в СССР. Четвертая книга о старом успешном мужчине,
который переместился в четырехлетнего мальчика, повзрослел и решил
кое-что поменять. Получится ли у него обхитрить жадных завистников и
«обновить Россию»?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-187677-7

© Злотников Р. В., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	14
Глава 2	21
Глава 3	31
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Роман Валерьевич Злотников

Настоящее прошлое. Каждому по делам его

© Злотников Р.В., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

– Цукт... цукт... цукт... цукт... – Горан повернул голову и повернул один глаз. Одноногий старик с примитивным деревянным протезом, ковьявший по палубе, поднял руку и, ощерившись в беззубой улыбке, хрипло проорал:

– Здорово, брат! Ускоро ћемо бити на лицу места?

Горан внутренне сморщился – от деда Душана, как обычно, несло ракией. Как он умудрялся добывать её на корабле, который уже давно находится в море, вдали от берегов, – никто понять не мог. Однако дед Душан каждый день благоухал кайсиевачей – абрикосовой ракией.

– И за тебе здравље, деда Душан! – степенно поздоровался он. – Већ смо на месту. Чекамо наредба.

Дед удивлённо хмыкнул.

– Значи ускоро ћете стелт? Онда сам отишао на своју славину... – И он, развернувшись, торопливо зацокал протезом по палубе в сторону кормы. Горан проводил его взглядом и снова откинул голову на брезент.

Полгода назад его, бывшего майора сербской армии, ушедшего в отставку ещё в девяносто четвёртом после ранения, нашёл бывший сослуживец – подпуковник Дучич. В тот вечер Горан задержался в гараже, на ремонт привезли интересную «тачку» – «Lancia Stratos» 1976 года выпуска. Этот автомобиль изначально разрабатывался как машина для ралли, и в продажу её адаптированная версия попала только потому, что таковыми были требования. Но вот состояние попавшего в гараж Горана экземпляра было м-м-да... достаточно сказать, что высверливать пришлось даже колёсные болты. Не говоря уж о подвеске. Так что до кафешки, в которой он обычно ужинал, Горан добрался уже около двенадцати.

– Добро вече, брат! Уморан од тебе чекати! – раздалось из дальнего угла, едва Горан вошёл внутрь. Он резко обернулся. Из-за дальнего столика навстречу ему поднимался... Дучич? Горан посмурнел. Бывший сослуживец напомнил ему о том времени, когда он был счастлив. Когда у него ещё была семья. Когда были планы и надежды. Тем острее чувствовалась горечь от того, что всё это исчезло навсегда... Но протянутую руку нехотя пожал. В конце концов, Дучич был не виноват в том, что с ним случилось. А воспоминания... именно для того, чтобы отвлечься от них, он частенько засиживался в своём гараже допоздна. А потом тихо напивался в этой кафешке дешёвой ракией. Дорогая ему, увы, была не по карману. Да и не подавали её в этой кафешке...

– Вижу, ты не рад меня видеть, – усмехнулся Дучич. – Чем я перед тобой так провинился, брате?

Горан вздохнул.

– Ты тут ни при чём, Славен, просто... – он задумался, как необидно сформулировать свои чувства. Но понял, что не получится. Как нормальному человеку объяснить то, что чувствует половинка от него. Да что там половинка – Гордана, Радован, малышка Любица, уйдя, забрали с собой его душу, оставив на её месте лишь пепелище. Так что он сейчас не человек, а так – оболочка. Поэтому он просто вздохнул и махнул рукой.

– Забуди!

Дучич покачал головой и, вздохнув, налил себе ракии из стоявшего перед ним графина. Потом залпом выпил и несколько мгновений молча сидел, не закусывая. После чего спросил:

– Помнишь мою Радмилу?

Горан криво усмехнулся и кивнул. После чего вежливо спросил:

– Как она? Как дети? – на самом деле это его совсем не волновало. Но раз уж Дучич упомянул про жену...

– Хорошо! – чуть хрипло произнёс его бывший сослуживец. – Там, где она сейчас, – всегда хорошо. Рай ведь создан для чистых душ, Горан? Не может же быть, что рай – просто сказки. А там, за пределами земной жизни, нет ничего. Ведь это не так, Горан?

Бывший майор вздрогнул и впился взглядом в своего собеседника. Тот молча смотрел на него, а в его глазах плескалась точно такая же боль, что поселилась и в его собственной душе.

– Когда?

– Уже полгода.

– Как?

Глаза Дучича блеснули, и он отвернулся. После чего глухо произнёс:

– Они напали ночью. Она как раз дежурила... В больнице оказалось не так много здоровых – она, две медсестры, несколько больных с переломами... Их выпотрошили, Горан... как свиней. Вырезали почки, печень, сердце, селезёнку, глаза¹. Потом упаковали в принесённые с собой контейнеры и ушли, оставив выпотрошенные тела в морге, на стенах которого написали всем нам послание кровью...

Горан ошеломлённо уставился на бывшего сослуживца. Тот сидел отвернувшись, так что было видно только его щёку с набухшими желваками. Бывший майор судорожно вздохнул. Чёрт, он погрузился в своё горе, забыв о том, что война не кончена и что по другим может ударить ещё больнее, чем по нему самому! Он попытался примерить на себя, что бы почувствовал, увидев «разделанное» тело любимой... и содрогнулся.

– Прости, брате, я...

Дучич махнул рукой и, проведя по глазам ладонью, повернулся к нему и улыбнулся... ну попробовал.

– Ладно, отодвинем наше горе. Давай выпьем за встречу. Сколько мы с тобой не виделись-то?

– Четыре с половиной года вроде, – задумался Горан. – С момента моего увольнения. А ты всё служишь?

– Куда уж мне, – усмехнулся бывший сослуживец. – Если уж сам «Кудесник атаки» оставил службу...

Горан слабо улыбнулся. Да, было у него такое прозвище. Недаром его батарея, а потом дивизион, столько лет держали славу лучших в югославских ПВО. Он умудрялся засекать и поражать цели даже тогда, когда, по всем расчётам, это было невозможно. Ну, то есть оно и было невозможно. Для всех, кроме него... Но то дело прошлое. Сейчас он просто автослесарь.

– Я так понимаю – ты в этом кафе появился не случайно? Меня искал? – спросил бывший майор, когда официант, записав заказ, удалился от их столика.

– Да, есть такое... – кивнул Дучич. – Предложение у меня к тебе есть.

Горан вздохнул.

– Извини, но даже слушать не хочу. Всё, я отвоевался... К тому же я просто не вижу смысла в этой войне. Она потеряла смысл и выродилась в сплошную спираль насилия. Хорваты режут боснийцев, боснийцы и косовары режут сербов. Сербы в отместку режут хорватов,

¹ Есть множество свидетельств о том, что представители Армии освобождения Косово занимались нелегальной торговлей органами. Подобные обвинения выдвигались даже против одного из президентов непризнанной Республики Косово – Хашима Тачи.

боснийцев и косоваров. Затем хорваты, боснийцы и косовары снова режут сербов по священному праву мести. И так далее... Месть ничего не принесёт, а только лишь умножит число погибших. А их и так уже слишком много. Мы все югославы, и нас в мире немного – гораздо меньше, чем немцев или французов. Пора кончать ещё и ещё уменьшать наше число. Иначе мы однажды просто исчезнем.

Бывший сослуживец ожёг его яростным взглядом.

– Вот, значит, как ты заговорил...

– Да, так, – спокойно ответил Горан. Даже несмотря на трагедию, случившуюся с ним и с Дучичем, он был уверен, что лучше для всех было бы остановить эту затянувшуюся на десятилетия войну. Поэтому спокойно встретил взгляд бывшего сослуживца. Несколько мгновений они бодались взглядами, после чего Дучич отвернулся и обмяк, будто из него выпустили воздух. Они некоторое время молча сидели, смотря в разные стороны, а потом бывший сослуживец глухо заговорил:

– Ты, наверное, прав, Горан, но-о-о... если я предложу тебе отомстить не хорватам и косоварам, а тем, кто на самом деле развязал эту войну.

– А разве её развязал не Милошевич? – криво усмехнулся бывший майор. – Не его неимоверная жажда власти и попытка сохранить то, что уже разваливалось?

– А ты что, счастлив, что наша страна развалилась?

– Нет, – мотнул головой Горан, – я хотел бы по-прежнему жить в большой и сильной стране, но разве попытки сохранить её насильно привели к чему-то хорошему? Или, наоборот, загнали нас в пропасть?

Дучич досадливо сморщился. Он никогда не был ни дураком, ни фанатиком, поэтому понимал, что проигрывает этот спор.

– Ладно, я тебя понял, – бывший сослуживец махнул рукой и, ухватив рукой бутылку ракии, разлил её по стопкам.

– Давай хоть помянем наших любимых. А потом попросимся. Ты всегда был добрым человеком, Горан, и дай тебе бог побольше добра и удачи в твоей жизни. Кому ещё ему такое давать, как не тебе? – и Дучич широко улыбнулся. Бывший майор удивлённо покосился на него.

– Ты как будто себя хоронишь...

– Ай – не бери в голову! – Дучич залихватски мотнул головой. – Пусть у тебя всё будет хорошо. А я скоро встречусь со своей Радмилой. Ну и твоей Гордице привет от тебя передам, – и он одним движением замахнул полную стопку. Горан несколько мгновений молча смотрел на него, после чего молча поставил свою стопку на стол и коротко бросил:

– Рассказывай.

Дучич вздохнул.

– Да нечего рассказывать... бомбить нас скоро будут, Горан.

– Нас?

– Ну да – сначала войска в Косово, потом Белград, потом всю страну – мосты, станции, заводы и так далее. Вбомбливать в каменный век, так сказать.

– Кто?!

Дучич насмешливо посмотрел на него.

– А что – так много вариантов?

– Но-о-о... как? – бывший майор замолчал и замер. Вот оно, значит, что... – Так ты не уволился!

– Уволился. Подпуковник запаса, – усмехнувшись, отрекомендовался Дучич, шутливо отдав честь.

– Но я не понимаю, как тогда...

– Вот так, Горан, вот так... На нас вышли одни люди. Не сербы. Но кто – я тебе не скажу. И даже не намекну... Короче, есть шанс больно ударить по этим тварям. Но рискованный. По

существо – дорога в один конец. Нас таких всего две сотни. Разных... Есть бывшие военные, но есть и студенты, и врачи, и инженеры, и крановщики со слесарями. Объединяет нас таких только одно – жить нам больше незачем...

Бывший майор молча выслушал, что ему рассказал бывший подпуковник Дучич, а потом недоумённо спросил:

– Но я не понял – я-то тебе зачем? Или у тебя внезапно обнаружился лишний ЗРК на заднем дворе дома? Потому что как автоматчик или, там, пулемётчик – я откровенно слаб. Ну ты же знаешь...

Дучич довольно усмехнулся.

– Всё, что надо, у нас будет. Не совсем законным путём, но будет. Можешь мне поверить. Причём такое, что ты пока ещё в руках не держал, – он мечтательно закатил глаза. – На таких высотах и дальностях работать сможешь, что ахнешь. Но как – я тебе пока сказать не могу. Операция секретная. Даже Милошевич не до конца в курсе.

Горан задумался, после чего осторожно уточнил:

– Не до конца – это действительно не до конца или-и-и... совсем не в курсе?

Дучич усмехнулся.

– Не до конца – это действительно не до конца. Потому что если у нас всё получится – то в игру тут же вступят... короче, вступит кое-кто ещё. А там уже потребуются санкции с самого верха. Детали, извини, только после того, как ты решишь присоединиться...

Бывший майор задумался. Он всегда предпочитал хорошенько обдумать свои действия. Даже если, на первый взгляд, всё было очевидно. Именно поэтому его и прозвали «Кудесником атаки». Ибо когда она начиналась – он оказывался готов практически ко всему, что могло при этом произойти. Широкополосные помехи, направленные помехи, удары Shrike или HARM, нападение вражеских диверсантов, сбой электропитания – на всё у него был свой, продуманный ответ, позволявший выполнить учебную или боевую задачу. Вот и сейчас он думал не столько о самом предложении, сколько о том, всё ли учли те, кто делал ему подобное предложение. И какие у этого предложения подводные камни... То есть всё ли подпуковник и его соратники продумали, дабы не облажаться в последний момент. Впрочем, один вопрос всё-таки следовало прояснить заранее.

– Какова вероятность уцелеть?

Дучич широко улыбнулся.

– Никакой. После того что мы там натворим – нас добьют. Разнесут на клочки. Точно!

Горан едва заметно улыбнулся в ответ.

– Ну тогда я в деле...

– Майор! – Горан выплыл из воспоминаний и приподнялся, развернув голову в ту сторону, откуда его позвали. К нему подошёл улыбающийся Дучич. Ну да – они все были здесь. Все две сотни тех самых, которым было уже незачем жить...

На полигон под русским городом с режущим сербское ухо названием Astrahan их привезли в конце января. Офицеров ПВО в составе их «двух сотен» было всего шестеро. Из них офицеров наведения – двое. Бывших, естественно... Рядовых и сержантов – три десятка. Остальные были кто кем. Так что им пришлось осваиваться с нуля... Впрочем, почему только им – всем. Горан слышал о российской системе С-300, но, так сказать, держать её в руках пока не доводилось. А вот тут, наконец, довелось. Ну что сказать... это оказалась система совершенно другого уровня. Она не просто умела стрелять дальше и по большему количеству целей – она делала это совершенно по-другому! Так что он просто выпал из жизни... Да они все выпали – вцепившись в шанс врезать по врагу так, что у него глаза лопнут! Так это сформулировал как раз дед Душан – простой крановщик из Печа, городка на западе Косово. Он тоже потерял семью, вот только в отличие от Горана в его семье было почти тридцать человек. Одних внуков девятеро. И трое правнуков... И свою ногу он потерял именно тогда. Но это не

мешало ему творить буквально чудеса со своим краном-манипулятором, в разы перекрывая любые нормативы и тратя на перезарядку пусковой считанные минуты. Что выдвинуло его в неофициального старшего расчётов всех пусковых, пользуясь чем, он свирепо гонял всех крановщиков из «кодлы», как он называл своих парней, которые осмеливались только заикнуться о том, что эти нормативы существуют и что они в них вполне укладываются.

– Будале! – рычал он, отвешивая затрешины. – Све док будете ковыряться – они ће летети! Брзо треба! Не пропустите никога!..

– Ну что, террорист, пора? – усмехнулся Горан, поднимаясь. Да – они все здесь были террористами. Официально этот ЗРК купил Кипр, а они просто захватили корабль, на котором его перевозили. Произошло это позавчера. В Эгейском море. Сам бывший майор в захвате не участвовал – его берегли как ключевую фигуру, но вроде как всё удалось сделать без трупов. Сейчас экипаж сидел под замком в одном из спальных помещений судна, а они полным ходом двигались в Адриатику. Как удалось повернуть всё это на одном из самых загруженных маршрутов морской торговли и не поднять тревогу – Горан не знал, но, однако, никто их пока вроде как не искал. И вообще, судя по довольному виду Дучича, всё пока что развивалось как надо.

– Да, осталось минут двадцать, – кивнул тот. – Видишь – брезент снимают.

Пункт управления, радары и пусковые установки были укрыты брезентовыми тентами, раскрашенными под морские контейнеры. Так что при первом взгляде их корабль выглядел как обычный, не слишком крупный контейнеровоз...

– А успеем за двадцать минут?

– Успеем, – махнул рукой Дучич, – радары уже полусобраны. Там только поднять и раскрепить мачты! А для этого парни ещё вчера приварили к палубе крюки.

Горан окинул взглядом верхнюю палубу корабля, на которой копошилось полторы сотни людей, деловито готовящихся... к собственной смерти. После чего усмехнулся и двинулся к установленной на опоры в носовой части корабля кабине командного пункта системы «5Н83С». За три месяца под Астраханью она стала ему такой же родной, как тот гараж, в котором он возился с «тачками». Эх, жаль с «Лянчей» так и не получилось поковыряться всласть. Интересная машинка...

Он вскарабкался по лесенке и, замерев в проёме двери, окинул палубу прощальным взглядом. Вряд ли у него получится покинуть эту кабину. Если всё будет как планируется – она станет его могилой... Ох, лишь бы всё получилось!

Когда он закрывал герметичную дверь, мельком заметил, что с левого борта спускают штормовой трап. Похоже, это отпускают команду судна. Ну, значит, точно скоро начнётся!..

Первыми вверх прянули длинные и толстые сигары дальнобойных ракет «48Н6Е 2». Насколько Горан знал – этих ракет в достатке не имели сами русские. Они были приняты на вооружение в девяносто седьмом, и их просто пока не успели изготовить в достаточном количестве. И на Кипр их, естественно, никто отправлять не собирался. Но здесь, у них, они были... Впрочем, и командный пункт, в котором сейчас находился Горан, также не имел никакого отношения к экспортной комплектации системы и потому никак не мог оказаться здесь, на этом судне. Но он тоже был здесь. Вот такая вот загогулина получилась, как однажды выразился нынешний российский президент...

Гарантированная предельная дальность «48Н6Е 2» составляла двести километров, вследствие чего до последнего из трёх AWACS, находящихся сейчас в небе над Адриатикой, обеспечивая управление всей той армадой самолётов, что висели сейчас над Союзной республикой Югославией, к настоящему моменту скукожившейся всего до двух субъектов Федерации – Сербии и Черногории, они, по идее, достать были не должны. Он барражировал как раз на расстоянии около двухсот километров от точки пуска и, по всем расчётам, должен был выйти за пределы зоны поражения раньше, чем до него доберутся ракеты. Но майор знал, что у русских предельная дальность обычно обозначалась с учётом некоторого запаса – большого или

не очень... Так что, при удаче, ракеты могли пролететь и более двухсот километров. Тем более что на третий Е-3 он нацелил аж восемь ракет. Полные залы двух пусковых. Может, и расточительно, но чем больше ракет, тем выше шанс, что хоть что-то долетит. А боезапас беречь бессмысленно. Его у них столько, что весь всё равно не расстреляют – их утопят раньше...

Всё получилось. Первый AWACS посыпался с неба облаком обломков уже через полторы минуты. Ну до него и было-то меньше ста километров. Там, скорее всего, даже понять ничего не успели... Второй рухнул через три. А вот третий... На третьем всё поняли. И попытались уйти. Да что там попытались – почти ушли! Первую волну – три ракеты из восьми, шедшие за ними, явно задавили помехами. Из трёх ракет следующей волны две оказались с «гарантийной» дальностью и, преодолев две с небольшим сотни километров, выжгли топливо, после чего перешли в неконтролируемое падение. А вот третья и ещё одна из последней партии в две ракеты продолжали упорно тянуться за целью. И дотянулись... а может, дотянулась только одна. Но такой корове, как Е-3 Sentry, сделанном на базе пассажирского «Боинга-707», на который к тому же сверху ещё и прилепили огромную грибообразную наشلёпку ротодома диаметром более девяти метров, хватило и её. Когда рванула 180-килограммовая боевая часть, самолёт вздрогнул всем своим немаленьким корпусом и-и-и... спустя мгновение начал разваливаться на части. Первым от машины отвалился ротодом, затем левое крыло, а потом фюзеляж переломился надвое, и из него начало высыпаться содержимое – стойки с аппаратурой, аппаратура рассыпью, кресла с привязанными к ним фиксирующими ремнями людьми, люди без кресел...

– Добро, Горан! – возбуждённо заорал Дучич. – Добро готово! – после чего выскочил из кабины станции наведения. Бывший майор усмехнулся. Похоже, бывший подпуковник побежал докладывать, что натовская группировка только что ослепла, и, значит, пришла пора вступать в действие тем самым «кое-кто ещё», о которых Дучич ему так до сих пор и не рассказал. Только отшучивался... Не совсем, конечно, ослепла – есть и спутники, и станции разведки и перехвата, и наземные радары... но именно AWACS выступали воздушными командными пунктами, к которым сходилась вся оперативная информация. И с борта которых раздавались команды не только частям и соединениям, но и отдельным эскадрильям, и даже отдельным самолётам. Так что с их падением весь этот механизм оказался полностью разрушен. То есть даже если сейчас кто-то что-то и видел – это было совершенно бесполезно. Ибо командная цепочка полностью распалась. Причём в самой ключевой её точке. То есть ни проанализировать информацию, ни выбрать тактику противодействия, ни определить нужные эскадрильи, звенья, самолёты, ни отдать им команды, ни вывести их к назначенным им целям было некому... Ненадолго. Минут двадцать, максимум час – и американцы разберутся. Выстроят новую, временную схему либо просто тупо поднимут парочку новых Е-3... впрочем, последнее вряд ли. Пока Горан и остальные живы и действуют – не посмеют. Слишком уж опасно. Ведь AWACS дороги. И не только как высокотехнологичные игрушки, каждая тонна веса которых, наверное, превышала по стоимости тонну золота, но и как носители не менее уникального экипажа. В конце концов, любую машину заменить можно довольно быстро – год-полтора, максимум два, и новый самолёт выкатят из сборочного цеха, а вот чтобы подготовить людей, способных использовать её максимально эффективно, недостаточно и десяти лет... И это ещё Горан не знал, что в последнем Sentry кроме собственного экипажа находилось дополнительно восемь человек, трое из которых были генералами ВВС США! Зато он каким-то немислимым чутьём уловил причину, по которой все эти генералы и решили присоединиться к экипажу одного из AWACS.

Американские бомбардировщики В-2 Spirit являлись самым дорогим самолётом, когда-либо созданным человечеством. Даже Е-3 Sentry, стоимость которых в последних комплектациях вплотную приблизилась к миллиарду долларов за штуку, на его фоне смотрелись поделками для бедных. Ибо один Spirit в полной комплектации шёл не менее чем за два. Потому

что это был единственный стратегический бомбардировщик-невидимка в мире. Даже Советы, единственный серьёзный конкурент США в этой области, сумевший создать прямого конкурента американского В-1В – сверхзвуковой стратегический бомбардировщик с крылом изменяемой геометрии «Ту-160», узнав по своим каналам о заказе стратегического «невидимки» и оценив как стоимость, так и сложность подобной разработки, так и не рискнули ввязаться в подобную программу. Впрочем, и США не могли себе позволить насытить свои ВВС более-менее значимым числом подобных машин. Тем более что стоимость их эксплуатации также зашкаливала. Вылет этой машины стоил как вылет полка истребителей или эскадрильи бомбардировщиков. А если вспомнить, что для хранения каждого из них между вылетами требовался ещё и специализированный ангар с контролируемым температурным режимом и системой поддержания необходимых влажности и химического состава воздуха, который был необходим для того, чтобы специальное противорадиолокационное покрытие этих машин не пришло в негодность и не перестало выполнять свою функцию, а также требующиеся для поддержания боевой готовности уникальные оборудование и расходники, вследствие чего В-2 могли базироваться всего на парочке аэродромов в мире – становится понятным, почему даже США ограничились постройкой всего двух десятков подобных машин... К тому же реальная боевая эффективность этого чуда техники до настоящего момента была непонятна. Ну не использовались они пока ни в одной боевой операции. Нет, по расчётам-то всё выходило шоколадно. Но это ведь всего лишь расчёты... Поэтому было принято решение сегодня наконец-то хоть частично устранить этот недостаток и посмотреть, чего стоят эти страшно дорогие игрушки в реальной боевой обстановке.

Да, армия Югославии на фоне того противника, против которого разрабатывались подобные дико дорогостоящие монстры, выглядела откровенно бледно, но уж точно куда лучше, чем всякие ближневосточные, латиноамериканские или африканские Вооружённые силы, с которыми американцы сталкивались в последнее время. К тому же она была вооружена советским и российским оружием – пусть не самым современным, а частенько и совсем устаревшим, но кое-что из этого всё равно пока оставалось на вооружении других, более серьёзных противников. И у самих русских, и у китайцев. К тому же новейшее вооружение русских было развитием подобных старых образцов. Ну, типа, там, использовало схожие частоты, алгоритмы программ обработки и усиления сигнала и всё такое прочее... Так что «обкатка боем» была сочтена полезной. И вот чтобы воочию, причём прямо из, так сказать, партера увидеть торжество высоких технологий Запада, эти три генерала и поднялись на борт одного из AWACS...

– Радко? – негромко позвал Горан, последние секунд двадцать напряжённо вглядывающийся в шкалы и индикаторы. Тот был вторым из офицеров наведения в их «двух сотнях». И за те месяцы на полигоне под Астраханью они с ним неплохо сработались.

– Да, майор!

– Ничего не замечаешь?

– Эм-м-м... нет.

– Верхний эшелон!

– М-м-м... всё равно нет. Хотя-я-я...

Но Горан уже не слышал. Он был в своей стихии – расчётах. А ещё его одолевал азарт. Потому что он, как ему казалось, вычислил, кто именно заставил так «нервничать» стрелки индикаторов, то есть кого он смог даже не засечь, а почуять там, наверху – на двадцати с лишним километрах высоты... Это точно были американские «невидимки». Может, F-117 Nighthawk, которые уже сбивали сербские герои, а может, и кое-что посерьёзнее. Да, даже и скорее всего посерьёзнее! У F-117 потолок был, насколько он помнил, ниже четырнадцати километров, а эти шли выше. Гораздо выше. Ну, если все эти дрожания стрелок и мерцания не были сбоями аппаратуры...

Нет, будь у него его старый С-125 Pechora, Горан даже не рискнул бы ничего сделать. Да он их в принципе бы не то что не увидел – даже почуять бы не смог! Но с этой новой российской РЛС всё оказалось не так однозначно.

Дело в том, что «невидимки» на самом деле не такие уж и невидимки. Реально радары их вполне засекают. Но либо эти радары имеют диапазоны, не подходящие для наведения ракет, то есть видят, но навести ракету на цель не способны, либо... либо они их видят с гораздо более близкого расстояния. В разы более близкого. То есть в этом случае у операторов наведения просто не остаётся времени отреагировать на них. Вот вроде цели видны на экране, но проходит несколько секунд, и они – оп, уже ушли из зоны обнаружения... А третьи системы хоть и успевают их засечь с достаточного расстояния, но не могут обеспечить надёжного удержания цели автоматическим прицельным комплексом. Так что любые попытки отстреляться приводят к тому, что ракеты, едва сойдя с направляющих или выйдя из ТПК, теряют цель и уходят в сторону, навеваясь на что-то другое либо просто бесполезно упав на землю... Но русский зенитно-ракетный комплекс, которым сейчас управлял Горан, позволял задействовать один из интересных режимов – так называемое «сопровождение через ракету». Это означало, что Горан, управляя ракетой в, считай, ручном режиме, мог подвести её максимально близко к цели. Настолько близко, что даже маломощный радар головки самонаведения ракеты уже становился способен захватить «невидимку». Теоретически. А уж там как сложится...

– Радко, стреляем по одной ракете. Восемь штук – две пусковых. Интервал – десять секунд.

– Куда стреляем? – удивился тот. – Ничего ж не фиксируется!

– Я знаю куда, – отрезал Горан. – Первую ракету поведу вручную. Остальные отправишь по той же траектории...

– Горан, волна на подходе... – робко попытался напомнить Радко. Основной их задачей было проредить волну натовских самолётов, возвращающихся из налёта на Югославию. С третьего апреля НАТО перестало ограничиваться только ударами по югославским войскам в Косово и начало бомбить всю территорию Югославии. В том числе и Белград. И вот сейчас натовские самолёты возвращались из подобного налёта. Пустые. Без бомб и ракет «воздух – земля». С уже отстрелянными инфракрасными и радиолокационными ловушками. То есть практически беззащитные перед их ракетами... Майор покосился на экран ИКО и на мгновение задумался, а потом решительно произнёс:

– У нас есть ещё минут пять-семь. Так что – работаем! – «Кудесник атаки» плёл свои чудеса-кудели. И не собирался ограничиваться малым и доступным...

Прежде чем пришлось переключаться на приближающуюся волну, они достали минимум четыре машины. Первые две Горан положил как в тире – на близком расстоянии головки самонаведения ракет не испытывали никаких проблем с захватом «невидимок», а вот потом Spirit бросились врассыпную. Но майор сумел-таки «навесить» ещё на две цели по парочке ракет, после чего пришлось быстренько переключаться.

Первые пусковые, которые они расстреляли по AWACS, были уже перезаряжены дедом Душаном и его «кодлой», так что в распоряжении Горана сейчас было сорок ракет. Пока сорок, ещё две пусковых установки сейчас должны были перевооружать на тройные «пакеты» из ракет заметно меньшей дальности, дальнобойностью всего сорок километров. Зато на одной пусковой вместо четырёх дальнобойных ракет таковых должно было разместиться аж двенадцать штук...

– Работаем! – азартно выкрикнул Горан. Основное обучение они проходили на станциях более старых образцов, которые были способны обстреливать всего шесть целей, наводя на них до двенадцати ракет. Почему так? Да просто боевая эффективность любой ракеты всегда меньше единицы. Даже для самых современных и в самых идеальных условиях. В лучшем случае 0,9, а бывает, и 0,7 и 0,5. Вследствие чего для надёжного поражения цели требуется

не менее двух ракет... Но эта станция позволяла гораздо, гора-а-аздо больше. Максимально число обстреливаемых целей у неё составляло тридцать шесть. Соответственно, число наводимых ракет достигало семидесяти двух. И что с того, что в его распоряжении было пока только сорок. Сейчас дед Душан перезарядит и те две пусковых установки, из которых они только отстрелялись по Spirit, и к ним добавится ещё двадцать четыре. А там дело дойдёт и до остальных... Правда, тройных «пакетов» у них осталось только ещё на парочку пусковых – этих новых «пакетов» у русских у самих тоже не было в достатке, а потом придётся бить снова одиночными. И гораздо менее дальнобойными, чем уже упомянутые «48Н6Е 2». Ну да и ладно – их стокилометровой дальности тоже будет вполне достаточно, чтобы изрядно проредить тех, кто ещё останется в зоне поражения. Зато этих ракет было много.

Горан начал бить экономно – по ракете на цель. Это, конечно, не давало стопроцентной гарантии поражения каждой цели, но ему в данный момент и не нужно было непременно сбить всех и на максимально доступной дальности. Ведь натовцы возвращались пустыми – уже отбомбившись и отстрелявшись. Если у них что и оставалось – так только боезапас авиапушек. А вот шли они достаточно густо. Ну а чего им бояться над родной Адриатикой?... Так что, если после первого залпа на полную дальность уцелеет даже треть – добьём следующим залпом. Зато точно получится подэкономить... Сохранённые таким способом ведения огня ракеты позволяли «дострелять» куда больше целей, чем если бы он работал «штатным» образом. То есть если при обычной стрельбе – по две ракеты на цель, он должен был шестьдесятю четырьмя ракетами сбить тридцать два самолёта, то при выбранном им режиме стрельбы, даже при коэффициенте 0,7, Горан должен был поразить не менее сорока четырёх. А тут вполне могло получиться и 0,9. Ведь эти уроды идут расслабленные, с отключенными станциями постановки помех. Так что есть шанс накрыть первым же залпом и все пятьдесят семь... То есть с учётом трёх уже уничтоженных AWACS и минимум четырёх Spirit выходило очень неплохо. А то, что кому-то удастся сбежать – так у него и так нет возможности завалить всю волну. Ни ракет на пусковых бы не хватило, ни возможностей РЛС. Потому что в текущем налёте, по прикидкам, принимало участие до трёх сотен самолётов. Так что большей части по-любому удастся уйти, но вот то, насколько она будет «большей», – зависело от Горана. И он не собирался упускать ни единого шанса максимально уменьшить эту часть...

Глава 1

– Охренеть!!! – я отшвырнул газету и замер в прострации. Короче, всё моё послезнание теперь можно отправлять псу под хвост. Потому что после того, что случилось в Европе, вся известная мне история полетела кувырком. Разве теперь что-то может пойти так же, как шло в реальности?!

Всё началось с того, что мою идею, которую я высказал больше по приколу... ну, с кораблем и ЗРК на нём – реализовали. Как оно там было организовано – Бог знает, но официально было объявлено, что сербы угнали корабль, на котором перевозилась система С-300, закупленная киприотами. Была ли подобная продажа в моей прошлой реальности – я не представлял совершенно, но здесь Кипр официально заключил контракт на покупку нашей ЗРК, после чего её изготовили и отправили по адресу². А некая банда сербов откуда-то узнала про это и в Эгейском море лихим налётом захватила грузовой корабль, доставлявший купленное адресату, после чего они перегнали его на Адриатику, где и подловили возвращавшиеся после налёта на Сербию самолёты НАТО... То есть для самих сербов они все, естественно, стали не бандитами, а героями. Их именами назывались улицы, суда, школы и мосты. К сожалению, посмертно. Поскольку все они погибли вместе с захваченным кораблём, который уже через два часа был расстрелян американскими «Гарпунами» и «Томагавками». Их они тоже сбили достаточно много, но все уничтожить не смогли. Хотя американцам так же пришлось повозиться. Доставивший им столько неприятностей корабль получилось уничтожить только после третьей атаки, когда они подняли девять самолётов РЭБ и ударили одновременно сорока с лишним ракетами. Так что сейчас этот корабль покоится на дне Адриатического моря во впадине между Бари и Дубровником на глубине около тысячи метров. Ну, или, вернее, его разорванные остатки... Но в Сербии их биографии печатались на первых страницах центральных газет. И, судя по ним, это были настоящие «люди из народа» – ни один из этих «героев-террористов» к моменту захвата грузового судна с кипрским ЗРК не служил в армии и не работал в государственных структурах. А большинство вообще было какими-то левыми типами – студентами, крановщиками, водителями грузовиков, слесарями, поварами. Зато у всех из них за время гражданской войны в Югославии кто-то погиб. Причём большинство из них потеряло всю семью... Каким образом такая пёстрая компания смогла не только захватить судно, но и развернуть перевозимый на нём в транспортном состоянии ЗРК в боевое положение, а потом ещё и умело отстреляться из него по боевым самолётам, вертолётам и крылатым ракетам альянса, выпустив минимум парочку боекомплектов, а это означало, что кроме всего вышеуказанного они смогли ещё и умело перезарядить пусковые установки, что тоже требует хорошей подготовки, – осталось за кадром...

Как бы там ни было – порезвились ребята знатно. Больше всего, естественно, досталось американцам. Они в этот день потеряли больше сотни своих самолётов. В том числе пять стратегов-невидимок. Воздушное командование НАТО лишилось трёх самолётов ДРЛО и управления E-3 Sentry. Немцы потеряли пять истребителей-бомбардировщиков Tornado, французы – семь «Миражей», итальянцы – девять F-16. Кроме того, по одному самолёту лишились англичане, голландцы, канадцы и португальцы. Остальные страны, участвовавшие в бомбардировках, обошлись без потерь. Пилотов и других членов экипажа погибло почти полторы сотни. Причём большую часть из них составили экипажи AWACS – с этими дурами было потеряно почти сто человек экипажей и ещё каких-то высокопоставленных гостей. Из остальной толпы

² Реальный факт. Комплекс С-300 закупил Кипр, договор на покупку был подписан в 1996 году. Он был поставлен, но потом, из-за жёсткой позиции Турции комплекс передали Греции.

было потеряно всего около пятидесяти человек. И это несмотря на то, что у части самолётов экипажи состояли не из одного человека. Катапульты рулят!

Впрочем, не все эти самолёты оказались на счету «террористов». Дело в том, что к моменту начала всего этого «корабельно-ракетного перфоманса» югославам удалось сохранить какое-то количество своих ЗРК и почти полтора десятка МиГ-29. И когда «террористы» ссадили с неба натовские Е-3, югославы моментально подняли с аэродромов и выпихнули на позиции всё, что у них к тому моменту оставалось. Вследствие чего «мигари», ранее мгновенно засекавшиеся теми самыми Sentry, которые быстро наводили на них свои истребители, вследствие чего все попытки хоть как-то противостоять натовцам, как правило, заканчивались не только безвозвратными, но и безответными потерями, сумели-таки догнать часть отходящей волны натовских самолётов, внеся в то, что творилось в небесах, свою малую лепту. И добавив бардака в ситуацию. Плюс, как выяснилось, большинство своих уцелевших подвижных ЗРК югославы передислоцировали в Черногорию, поближе к побережью. И они тоже успели подключиться к веселью... Ну и, кроме того, сербам и черногорцам удалось повернуть ещё одну операцию, по своим последствиям затмившую собой даже подвиг «героев-террористов»!

Как выяснилось, югославы ещё до начала бомбардировок вывели из баз и где-то затихарили четыре своих престарелых ракетных катера проекта 205, вооружённых старыми как говно мамонта советскими противокорабельными ракетами «Термит». Первый катер данного типа вошёл в состав советских ВМС почти сорок лет назад – ещё в 1960 году, а «Термитом» египтяне в 1967-м первыми в мире произвели ракетную атаку и потопили крупный военный корабль – израильский эсминец «Эйлат», представлявший из себя бывший английский эсминец типа Z 1944 года постройки... Так что к 1999 году всё это добро считалось безвозвратно устаревшим. Вследствие чего, при обычных условиях, у югославов не было бы ни единого шанса нанести с их помощью какой бы то ни было урон. Их бы обнаружили, опознали и уничтожили ещё до выхода на рубеж атаки. Но в этот день условия можно было назвать какими угодно, но точно не обычными!

Эпический бардак, творившийся в воздухе над Адриатикой, оттянул на себя всё внимание натовских военных, вследствие чего ракетные катера сумели-таки выйти на рубеж пуска ракет и даже успели отстреляться по «Теодору Рузвельту», как раз в этот момент принимавшему самолёты своей авиагруппы, отбомбившиеся по Белграду и его окрестностям... Ракеты были старыми. Так что две из шестнадцати просто не сошли с пусковых установок. Ещё одна упала в воду, пролетев всего километров двадцать. Остальные же добрались до ордера.

Несмотря на весь творящийся бардак, американцы сумели-таки их засечь и отработали по ним весьма успешно. Из тринадцати ракет было сбито одиннадцать. Но две всё-таки долетели до авианосца... Повреждения, как потом выяснилось, оказались не слишком большими, но одна из ракет повредила систему контроля состояния реакторов, вследствие чего по кораблю разнёсся сигнал радиационной тревоги. Плюс, поскольку все югославские морские силы уже давно считались уничтоженными, а также то, что среди рядовых членов экипажа уже распространились слухи о том, что где-то не слишком далеко кто-то вовсю чихвостит самолёты НАТО, кому-то из команды пришло в голову, что их атакует Черноморский флот русских. А русских, несмотря на всё то, что творилось с нашей страной и нашим военно-морским флотом в последнее десятилетие, почитали за куда более опасных противников, чем югославов... Вследствие чего часть команды охватила паника. Что сильно осложнило борьбу за живучесть. И начавшийся после подрыва боеголовок пожар быстро потушить не удалось. Поэтому капитан, ну или кто-то из старших офицеров, имеющих право принимать решение, приказал заглушить реакторы и объявить эвакуацию всех не задействованных в неотложных мероприятиях борьбы за живучесть. После чего американцы дисциплинированно доложили в штаб 7-го флота о том, что на авианосце пожар, проблемы с ядерным реактором, и что они опасаются, что могут не дойти до Гаэты, поэтому «Теодор Рузвельт» буксируют в Таранто...

И это оказалось их самой большой ошибкой. Потому что вести об этом в считанные часы разлетелись сначала по всей Италии, а затем и по всей Европе, в которой до сих пор ещё вполне цвела и пахла радиофобия, вызванная Чернобыльской аварией, которая, как вы помните, в этом варианте реальности случилась на семь лет позже – в 1993-м, а не в 1986-м. И с намного более чувствительными для Европы последствиями... Причём это сообщение было ярко проиллюстрировано живописными картинками горящего атомного авианосца с огромной толпой на палубе, отдельные представители которой, не дожидаясь своей очереди эвакуации, самостоятельно сигали с палубы корабля в воды Средиземного моря, которые в прямом эфире демонстрировали ушлые журналисты некоторых итальянских телеканалов, прибывшие к месту катастрофы на вертолётах. Ближе им подлететь не дали, но длиннофокусные объективы, установленные на телекамеры, позволили получить вполне различные кадры... Так что не успели американцы дотянуть свой авианосец до Таранто, как навстречу им устремились сотни яхт, катеров и других корабликов, заполненных возмущёнными итальянцами, которые собирались костью лечь, но не дать этой страшной, горячей военной ядерной машине подвергнуть опасности жизни мирных итальянцев.

И всё бы ничего – мало ли какие протесты устраивают люди на демократическом Западе? Для подобных стран всё это – часть обычной жизни. Вон, те же «жёлтые жилеты» несколько лет устраивали очень яркие перформансы, требуя созыва всенародного собрания для реформы налогообложения, доступное жильё, переписать Конституцию, выйти из ЕС и тучу всего другого – и что? Всё закончилось книгой какой-то французской социологини «Мы – Жёлтые жилеты: наши первые 600 дней». Каких-нибудь иных значимых последствий все эти бурные выступления не принесли. Западная демократия – она такая демократия... Так что и этот мощный порыв свободных европейцев, скорее всего, не закончился бы ничем серьёзным. В лучшем случае американцы развернулись бы и потихоньку поплюхали на свою собственную базу в Гаэте. Однако в жизни так устроено, что если уж начинается чёрная полоса – то она начинается по всем направлениям. В данной ситуации камнем, ввергнувшим американцев в настоящую лавину неприятностей, оказалась компания итальянской золотой молодёжи, похоже, зависавшая где-то на восточном побережье Апулии... Услышав про всенародный итальянский перформанс против «военного атома», они тут же возгорелись желанием непременно к нему присоединиться, для чего загрузились на скоростную фешенебельную яхту и бросились в Тарантский залив... крайне неудачно вылетев на полном ходу в тыл американского ордера. Вследствие чего они, похоже, были приняты американскими моряками, и так сильно нервничающими после всего произошедшего, за очередных нападающих. После чего, соответственно, по ним был немедленно открыт огонь артиллерией и ракетами...

Как позже выяснилось, на яхте собрались почти три десятка молодых представителей самых сливок высшего итальянского общества. В том числе один певец и две популярные актрисы и модели, по которым пускало слюни большинство итальянских мужчин. Никто из них не выжил, но сообщить о том, что их убивают, с перечислением части присутствующих они успели. А кружившие поблизости вертолёты с корреспондентами итальянских телеканалов даже смогли заснять окончание трагедии и выдать всё в прямой эфир. Так что все поспешные попытки представителей итальянской элиты, сильно аффилированных с американцами, замолчать трагедию или хотя бы спустить её на тормозах не только не удались, а, наоборот, привели к противоположному результату. В ответ на их усилия итальянцы пришли в дикое возмущение, которое смело правительство и привело к роспуску парламента. Большинство же партий, идущих на новые выборы, начали одна за другой заявлять, что после своего избрания намерены поставить вопрос о немедленном выходе страны из состава НАТО. Ибо вместо того, чтобы защищать граждан своих стран-членов, эта организация их убивает. Да и вообще, эта организация создавалась против коммунистического блока Варшавского договора, а он уже

давно распущен. Да и с коммунизмом в Европе все уже окончательно распрощались. Даже русские...

Но на этом скандале ничего не закончилось. При последнем разговоре с Примаковым я вскользь упомянул, что американцы во время операции «Союзная сила» точно будут использовать снаряды для авиапушек, содержащие обеднённый уран. Вследствие чего некоторые местности в Сербии окажутся подвергнуты радиационному заражению. Хотя и небольшому... Я не видел в этой информации особенной ценности, потому что в той реальности все попытки сербов хоть как-то раскрутить эту тему ни к чему не привели. Так – кто-то что-то пописал-пописал, да и забыли... Но здесь вам не тут! Едва только буря с американским атомным авианосцем начала утихать, как разразился новый «радиационный» скандал.

Всё началось с информации об американских снарядах с ураном. Причём в сообщениях, появившихся в прессе, старательно не использовалось прилагательное «обеднённый», а, наоборот, подчёркивалось, что американцы категорически запрещают пользоваться этими снарядами на территории Соединённых Штатов... И эта информация не только появилась в прессе, но и вышла на самый высший уровень. Потому что, когда американцы, пытаясь оправдаться, начали публиковать в европейских СМИ пространные разъяснения о том, что уран-де обеднённый, безопасный, кто-то из левых французских политиков потребовал привести хоть один пример того, что эти «безопасные» снаряды использовались при стрельбах на своей территории. Данные американцами разъяснения по поводу того, что эти снаряды-де очень дороги и потому практически не используются для учебных стрельб, были признаны необубедительными, после чего сразу в нескольких странах зазвучали требования проверить, как использование этих снарядов повлияло на радиационный фон в Сербии и сопредельных с нею странах... И уже через день появилась информация, что несколько групп экологических активистов произвели несколько десятков замеров уровня радиоактивности вод Дуная, которые аж в четверти случаев показали результаты, в разы превышающие обычный природный фон... Причём внешне всё было обставлено очень серьёзно – замеры брались несколько раз, из разных мест, а весь процесс снимался на портативные видеокамеры, после чего результаты съёмок были предоставлены, так сказать, международному сообществу. Что сильно придало достоверности всем этим данным. Причём информация о подобных замерах пришла не только из Сербии, но и из Болгарии и Румынии... После чего в левой европейской прессе развернулась истеричная кампания под девизом: «Американцы загаживают Европу радиацией!», удачно подпитавшая и так полыхнувшую после происшествия с «Теодором Рузвельтом» европейскую радиофобию. А попытка властей Румынии и Болгарии, провозгласивших курс на вступление своих стран в НАТО, притушить раскручивание этой кампании административными методами привела к крупному скандалу, не только ещё больше усилившему общую истерию, но и приведшему к парламентским кризисам в обеих странах. Так что сейчас и в Румынии, и в Болгарии спешно готовились к новым парламентским выборам. А правительство Югославии объявило о том, что ситуация с радиоактивным заражением в Косово стала совсем катастрофичной, вследствие чего оно организует срочное переселение населения некоторых населённых пунктов автономного края, под маркой чего, похоже, начало активную зачистку в Косово...

Я поднялся с дивана, на котором читал газету, и вышел на террасу. На фоне всего происходящего мой спич на премии «Оскар» тянул максимум на мелкую шалость. Так, может, мне можно прервать своё добровольное подполье и улететь домой?

Тогда, сразу после моего выступления на церемонии, мы с Алёнкой, пройдя настоящим «коридором позора», потому что президент Клинтон был очень популярен среди «творческой интеллигенции» (вот умеет же это сословие отыскать дерьмо на ровном месте!), поспешно добрались до арендованного лимузина и выехали в аэропорт. Там, обнявшись на прощанье, моя любимая вылетела в Квебек, откуда должна была улететь в Москву, к детям, а я отправился в Ванкувер, откуда мой путь лежал в Макао.

Добравшись до этого анклава, который пока ещё оставался колонией Португалии, хотя и последний год, я быстро преодолел все пограничные формальности и, заселившись в отель, завалился отсыпаться. Нервяк последних суток меня вымотал напрочь. Да и сдвиг по времени тоже не добавил здоровья.

Потом был типа нелегальный переезд в Гонконг на катере, вроде как принадлежащем контрабандистам, и заселение в небольшой домишко в дальнем углу Новых территорий. Уж не знаю, действительно ли меня переправляли контрабандисты, но антураж был вполне соответствующим – ночь, дождь, скоростная лодка, высадка в маленькой бухточке и переезд до места на стареньком тойотовском пикапе, в кузове которого стояли корзины со свежей рыбой... Как бы там ни было, «контрабанда» меня из одного анклава в другой прошла без проблем – никто не арестовал и не пристрелил. Несмотря на то что всё это было организовано, так сказать, «на живую нитку». Ну не было у меня никаких связей с азиатскими контрабандистами. Да и с любыми другими тоже. Так что ничего из «необходимого» для нелегального или просто скрытого пересечения границы я не имел – ни фальшивых документов, ни налаженных каналов, ни проводников... Даже отель в Макао мне забронировал управляющий одного из моих «офшоров». Причём на мой собственный паспорт. Так что проследить меня до Макао было вполне реально. А вот потом... да тоже реально. Если мной займутся настоящие профессионалы из серьёзных спецслужб. Но я всё-таки надеялся, что мой «проступок» не настолько тяжёл, чтобы за мной начали охотиться настолько яро.

В Америке вообще к высказыванию личной позиции относятся довольно индифферентно. Мол, у каждого свой таракан... И не произойди это вот так – на «Оскаре» перед лицом тысяч людей и под телекамерами, транслирующими происходящее ещё несколькими сотням миллионов зрителей, меня бы, в лучшем случае, пожурили. А то и вовсе проигнорировали, просто внеся в некий «чёрный список» людей, которым следует с порога отказывать в финансировании и любом возможном продвижении. Типа, нет такого человека и никогда не было... Ну, может, деньги бы ещё отобрали, до которых смогли дотянуться, а теми, которые не отобрали, – лишили бы возможности пользоваться. Обвинили бы в какой-нибудь неуплате налогов или, там, предумышленном мошенничестве и заблокировали счета. До окончания расследования. Которое будет тянуться годами и годами. А ты судись – трать остатки имеющегося и всё, что снова заработал, на адвокатов... Но тут тоже не всё так однозначно. И шанс хотя бы частично отбить подобный наезд есть. Хотя и небольшой.

Однако ситуация с «Оскаром» всё усложнила. Уж больно сильный резонанс прошёл по всем СМИ. Мне даже, пока я ещё торчал в Макао, позвонили на мобильник от Ларри Кинга и попросили записать на видеокамеру небольшой ролик с ответами на переданные вопросы. Увы, пока ни Skure, ни YouTube ещё не существовали. Не говоря уж о всяких там Zoom, TikTok и прочих... А прийти на местную телестудию я отказался сам. Ну его на фиг – бережёного, как говорится, бог бережёт! Это ж бывшая португальская колония, а Португалия – член НАТО и, как и любой другой подобный член, плотно лежит под американцами. Тем более что за окном конец девяностых, то есть самый пик Pax Americana...

В этом ролике я оторвался, сообщив, что Голливуд – великий провидец, и что всё, что устроил Клинтон, уже было показано два года назад в фильме «Хвост виляет собакой», а также ввернул пассаж о том, что высокомерное пренебрежение к остальному миру, появившееся в последние годы у лидеров Америки, непременно обернётся тем, что в самой Америке уже очень скоро начнут гореть и рушиться небоскрёбы, а самолёты ударят по Пентагону! Естественно, имея в виду теракты 11 сентября... И если Америка хочет жить в мире – ей надо заново научиться договариваться с другими, о чём она в настоящий момент напрочь забыла, предпочитая давить и бомбить там, где все вопросы можно было бы решить всего лишь толикой уважения и учёта чужих интересов... Конечно, подобные заявления были восприняты всеми скептически. Ларри даже, выдав в эфир ролик с моими ответами, не сдержался и посаркастиро-

вал в мою сторону. Мол, мало ли человеку может привидеться – падающие небоскрёбы, самолёты бьют по Пентагону... Но я сохранял спокойствие. Ничего – посмотрим, как они запоют, когда всё произойдёт.

И вот теперь я был совершенно не уверен, что в этом мире случится 11 сентября! Так сильно всё изменилось...

– Masalatea, sir? – я оглянулся. В комнату неслышно заглянула Манджула, пожилая индианка, доставшаяся мне в прислуги вместе с домиком. Она всё время пыталась напоить меня чаем. Но не обычным, то есть чёрным или зелёным, а по индийскому рецепту. Так называемым masalatea. Это чай с молоком, сахаром и специями – кардамоном, имбирём, корицей и разными другими. Устойчивого рецепта подобного чая не существует, так что в разных местностях его заваривают по-разному... Я познакомился с ним в прошлой жизни, когда мы путешествовали по Индии, а тут имел неосторожность в первый же вечер после заселения согласиться на то, что Манджула мне его заварит. Ну и пошло-поехало.

Дело в том, что китайцы относятся к чаю с очень большим почтением и очень осторожны в отношении каких-нибудь к нему добавок. А уж такой объём их, как в masalatea, в их глазах выглядел настоящим кощунством. Даже запах чего-то подобного вызвал у многих из них негативную реакцию. Манджула же его, похоже, очень любила. И сильно страдала оттого, что при других обитателях домика не могла себе позволить заваривать свой любимый напиток. Ей это категорически запрещалось. Со мной же удалось оторваться. Потому она старалась предлагать заваривать его мне при любой возможности, имея в виду, что под шумок и ей достанется. Вследствие чего я его сейчас нахлебался столько, что казалось, будто он у меня скоро из ушей польётся.

– No, thanks, – коротко ответил я, и Манджула скрылась, прикрыв за собой дверь. Я же подошёл к зеркалу и уставился на своё изображение.

В прошлой жизни к этому возрасту я уже успел убить зрение до минус двух, потерять несколько зубов, заполучить камни в почках и заработать ревматоидный артрит. Скорее всего, в качестве осложнения после перенесённого на ногах гриппа. Служба в ротном звене – дело такое, не всегда получается поболеть в постели... Так что тогда к тридцати шести годам мой организм был уже довольно потрёпанным. Но в этой жизни у меня со здоровьем пока всё было в порядке. Может, и не совсем в полном, но никаких системных или хронических болячек к настоящему моменту вроде как не вылезло. И причину этого я в значительной степени видел не только в куда более здоровом образе жизни, но и в том, что сумел неким образом освоить оперирование той самой непонятной энергией. Впрочем, я до сих пор не исключал того, что стал жертвой самовнушения. И, раз уж судьба занесла меня в эту часть света, в которой вроде как про все эти дела должны были знать намного больше, чем в Европе или Америке, я решил всё-таки попробовать разобраться – есть ли за всеми этими моими ощущениями действительно что-нибудь реальное...

От входной двери послышался лёгкий звон колокольчиков, а затем громкий голос Манджулы. Похоже, она на кого-то ругалась. Я усмехнулся. Судя по всему, пришёл человек, который мог помочь мне разобраться со всей этой полумистической хренью. Я имею в виду энергию. Во всяком случае, так утверждал Ло Эр-Ган, владелец небольшого зала боевых искусств, расположенного неподалёку.

Когда я появился в его зале со своими вопросами, тот было обрадовался жирному клиенту-иностранцу, но, когда до него дошло, что я не собираюсь изучать великое и древнее искусство китайского кулачного боя, а всего лишь ищу человека, который поможет мне разобраться с одним-единственным аспектом, остыл. Но не послал меня, а пообещал поспрашивать. Что я, если честно, воспринял как вежливый китайский вариант посылания на хрен... Однако, к моему удивлению, уже через четыре дня он прислал с одним из своих учеников записку, в которой сообщал, что отыскал одного типа, утверждавшего, что он именно что умеет оперировать

«энергией ци». Причём те уважаемые люди, которые ему о нём рассказали, утверждают, что он предоставил им вполне убедительные доказательства своего мастерства... Правда, имелся один нюанс. В настоящий момент этот «великий мастер» находился на мели и не мог оплатить свой проезд в Гонконг.

– Господин! – Манджула вновь просунула голову в приоткрытую дверь. – Там пришёл человек. Он говорит, что его зовут Чиюк Хаксенг и что вы его ждёте.

– Да, жду. Пусть заходит, – кивнул я. В записке, которую прислал Ло Эр-Ган, значилось именно это имя.

– Господин, – индианка неодобрительно покачала головой, – простите меня, но он выглядит как настоящий оборванец. Вы точно его ждёте?

– Точно, Манджула, точно, – рассмеялся я, – но будем ли мы с ним дальше общаться, я решу только после нашей встречи. Так что зови его.

– Хорошо, господин, но прошу вас – будьте с ним осторожнее...

Глава 2

– Эгх-ы-ы... – Алёнку выгнуло дугой, а спустя несколько мгновений она буквально опала на смятые простыни. Я валялся рядом в полуотрубке. Да уж, дали мы с ней сегодня...

За год с небольшим, прошедший после того, как мы покинули Америку, она приехала ко мне в Гонконг второй раз. Первый был в декабре, на её день рождения – вот такой она себе подарок сделала, а второй сейчас, в мае, уже на мой. В прошлый мой день рождения я, несмотря на всё случившееся на Балканах, так и не рискнул устроить «свидание». Может, конечно, я дул на воду, но очень не хотелось вляпаться в какие-нибудь неприятности вместе с любимой. Я-то ладно – как-никак вторую жизнь живу, детей и жену обеспечил, в стране и мире тоже, мал-мала, что-то к лучшему изменилось... вроде как. Потому что то, что пиндосам в Сербии так знатно дали по мордасам – однозначно лучше для мира. Да и для России то, что наши С-300 сейчас расходятся как горячие пирожки – тоже очень хорошо. И деньги в страну идут в куда большем объёме, чем в моей прошлой жизни, и технологии не только сохраняются, но ещё и довольно активно развиваются. Так, глядишь, С-400 примут на вооружение года на три-пять пораньше. Да и перевооружение на этот комплекс пройдёт куда быстрее, чем в моей прошлой жизни. Потому что, судя по тому, с какой скоростью «Алмаз-Антей» исполняет зарубежные контракты – он точно нарастил производственные возможности. И весьма солидно... Так что даже если сдохну – совсем не обидно будет. А вот если с Алёнкой что случится – никогда себе не прощу. Она у меня – святая. Таким, как она, нужно жить как можно дольше. Дабы освещать мир своим неземным светом и делать его чище...

В этот момент моя святая зашевелилась и, уставившись на меня совершенно осоловелым взглядом, пожаловалась:

– У меня икры болят...

– Это почему это? – удивился я. Щёчки у Алёнки слегка запунцовели.

– Это когда я это... ну-у-у... ну когда совсем-совсем... у меня ноги так судорогой свело, что до сих пор болят.

– М-м-м... – я скорчил глубокомысленную рожу, – поня-я-ятно. Значит, больная, нам нужно прекратить данные процедуры. Ну, чтобы...

– Что? – и ещё мгновение назад буквально растёкшаяся по мятым простыням голенькая женская фигурка буквально взвилась в воздух, вскакивая на кровати. – Ах ты... Вот я тебя сейчас!

Спустя минуту я, хохоча, вылетел из спальни. За мной выскочила Алёнка с подушкой наперевес, но, заметив Манджулу, которая шоркала по полу веником в дальнем конце коридора, ойкнула и тут же отпрыгнула обратно в спальню, прикрыв дверь и отчаянно сигналив мне глазами. Ну да – в коридор мы, естественно, вывалились голыми... Я же решил слегка потроллить жену и сделал вид, что не понимаю её намёков.

– Р-р-р-омка! – свирепо зашипела моя любимая, косясь разъярённую кобру, и, соорудив крайне суровое личико, сердито махнула рукой, изобразив жестом что-то вроде: «К ноге! Бегом!» Она у меня была той ещё стесняшкой, заставляя меня даже дома ходить в домашней одежде, а не как нормальные мужики – в трусах с пузом наружу... Я вздохнул, покачал головой и, соорудив на лице выражение типа: «Вынужден подчиниться непреодолимым обстоятельствам», – медленно вернулся в комнату.

– Ты что – совсем уже?! – возмущённо набросилась на меня любимая, едва только за моей спиной закрылась дверь. – Там же Манджула! А вдруг бы она обернулась?! Ты куда... Нет! Не трогай ме... Перестань сейчас же! Я с тобой разгова... Ай! Не на-м-гм-м-м... – Неся её на кровать, я самодовольно подумал, что жена до сих пор не может противостоять моим поцелуям. Сразу теряет волю к любому сопротивлению. А потом мы рухнули на постель, и

спустя некоторое время спальню вновь сотряс судорожный горловой стон Алёнки. Ну соскучились мы друг по другу, очень сильно соскучились...

подавая завтрак, Манджула поглядывала на нас немного ехидно, но и с какой-то затаённой гордостью, мол, а хозяйева-то у меня – ух! У Алёнки от этого слегка пунцовели щёчки и ушки... Она у меня последнее время отчего-то принялась искать причины пострадать по поводу себя. Мол, и молодость у неё уже прошла – как-никак тридцать шесть лет уже, считай, совсем старушка, и морщинки появились... да, появились – вот здесь... ну вот же... ну я же тебе показываю – вот... Ромка – я тебя сейчас стукну! Вследствие чего я над ней временами посмеивался. Потому что на самом деле выглядела моя любимая максимум лет на двадцать пять. А со спины так и вообще на семнадцать. Я же, в конспиративных целях, отпустил бороду, усы и длинные волосы, которые собирал в хвост. Плюс начал активно пользоваться китайской одеждой. Не строго традиционной, скорее это были вариации на тему вполне европейского френча с китайской вышивкой... Вряд ли, конечно, это как-то помогло бы против профессионалов, но вот против журналистов – вполне. Во всяком случае, за прошедший год с небольшим меня пока никто из этой братии не нашёл. Впрочем, может, просто потому, что не искали. Ну кому я нужен после всего того, что случилось в Сербии?

А ситуация на Балканах разрешилась... неоднозначно. С одной стороны, сербов всё-таки додавили. Так что к настоящему моменту в мире снова появилось не совсем признанное государство Республика Косово. Ну, то есть типа «цивилизованный мир» его признал... хотя и не весь, и с оговорками (скажем, испанцы отказались признавать, да и французы тоже выступили очень... неоднозначно), а практически весь остальной мир – нет... Вот только границы его, в отличие от той истории, что здесь знал только я, оказались заметно сокращены. Под шумок антирадиационной истерии сербы сумели нанести несколько сильных ударов по УСК и переломить ситуацию почти в половине регионов Косово. Американцы было привычно обвинили сербов в «чудовищном геноциде», рассказывая о сотнях тысяч жертв, но накал продержался недолго. После того как под их давлением ООН приняла специальную программу помощи «несчастным албанским беженцам», рассчитанную на миллион человек, слово попросил Постоянный представитель Российской Федерации при Организации Объединённых Наций Сергей Викторович Лавров. Да-да, тот самый, ну который «Дебилы, бл...ь!» Его речь журналисты потом обозвали: «Где трупы?» Потому что, основываясь на данных, которые в ООН представили сами косовские власти, он чётко, с цифрами, доказал в своём выступлении, что согласно вот этим самым данным албанское население Косово за период военных действий не только не уменьшилось, а, наоборот, увеличилось. Пожалуйста, считайте сами – вот данные о численности населения в общинах, находящихся под контролем сербской стороны, вот численность беженцев, вот данные о числе постоянных жителей в общинах, находящихся под контролем албанской стороны, вот итоговая цифра. И где трупы? Кто убит-то? Или в край, в котором ведутся боевые действия, откуда-то набегали сотни тысяч людей? Тогда откуда они? Из какой страны прибежали? И чем там хуже, нежели на тех территориях, на которых «ужасные сербские бандиты» творят свой «невиданный геноцид»? Иначе почему бегут сюда, а не отсюда? Или нам просто врут о числе беженцев, собираясь «развести» ООН на деньги? В таком случае Россия, как постоянный член Совета Безопасности, требует заблокировать любые перечисления денег до момента проведения тщательного расследования с выездом на местность и последующим публичным оглашением результатов, которое покажет, какое реально количество беженцев находится в этом анклав и сколько действительно помощи им требуется. Короче, скандал был тот ещё...

В конце концов, линия разграничения между почти независимой «республикой Косово» и «автономным краем Косово и Метохия», как именовались территории, оставшиеся под контролем сербов, прошли по территориям общин Исток, Сербича, Гологовац, Косово поле, Приштина, Ново-Брдо, Гнилане и Витина. Я почти два часа сидел над картой в бумажном

атласе, пытаясь припомнить, насколько это отличается от того, что случилось в моём прошлом, но до конца так и не разобрался. Вроде как тогда местным сербам удалось сохранить под своим контролем всего то ли две, то ли три северных общины, всё остальное оказалось под контролем албанцев. Здесь же они сохранили контроль над половиной общин – пятнадцатью из тридцати. Впрочем, шесть из них они контролировали лишь частично. В том числе и Приштину. Но Газиместан – мемориал, посвящённый битве на Косовом поле, остался под контролем сербов.

Что ещё поменялось? Болгария отозвала свою заявку на членство в НАТО, а только что вступившая Венгрия объявила о приостановке своего членства. Вследствие чего среди «старых» членов блока началась активная дискуссия по поводу того, стоит ли вообще «столь поспешно» расширяться.

Также, несмотря на то, что в этой истории у Примакова не было его знаменитого «разворота над Атлантикой» (поскольку он отчего-то в момент начала натовских бомбёжек Сербии никуда не полетел), Евгений Максимович также потерял пост премьер-министра. Хотя здесь он продержался немного дольше. В тот раз Примаков лишился своего поста, когда ещё не закончились бомбардировки Югославии, которые тогда шли то ли до конца мая, то ли до начала июня, а в этот продержался аж до сентября. Бомбёжки же здесь закончились в середине лета. Восьмого июля. Когда сербы завершили операции в Косово и пошли на подписание перемирия... Так что никаких не понравившихся американцам демонстративных «телодвижений», из-за которых он лишился этого поста в прошлый раз, здесь не случилось. Но свой пост он всё-таки потерял. Скорее всего ему не простили выступление Лаврова в ООН. Или раскопали, что «банду сербов» готовили в России. Потому что помимо Примакова были уволены и отправлены в отставку ещё с десятков весьма заметных фигур из числа управленцев и военных. Увы – в сегодняшней России американцы чувствовали себя как натуральные хозяева, вознося и карая по собственному желанию. И даже премьер-министр страны поделаться с этим ничего особо не мог. Недаром он даже мои «прогнозы» предпочитал выслушивать устно... Ещё одним изменением было то, что унаследовал ему сразу Путин. Без «промежутка» в виде Степашина.

Больше я никаких особенных отличий от того, что помнил, не нашёл. Скорее всего потому, что помнил я об этих временах не слишком много. В прошлой жизни у меня в это время только-только пошло с книгами, так что я забил почти на всё и «ваял нетленки», работая по восемнадцать часов в сутки. Восемь на работе, а остальное за компом... На сон оставалось часа три-четыре – куда уж тут следить за новостями! Я тогда поначалу регулярно впадал в такое состояние полутранса, однако деваться было некуда. По моему глубокому убеждению, если у тебя начало что-то получаться – рви жилы и старайся создать в этой области максимальный задел... Вот я и рвал. Тем более что скоро втянулся. Человек – тварь сильно приспособляемая и способна выживать в таких условиях, в которых никакие дикие животные не протянут. Все широты освоила – от экватора до побережья Северного Ледовитого океана. На всех высотах обжилась – от уровня моря и ниже и до высот в три-четыре тысячи метров. Во всех климатических зонах представители нашего вида существовать способны – от жарких пустынь до вечной мерзлоты. Ни одно животное не обладает таким уровнем приспособляемости. Все имеют свой ограниченный ареал обитания. А человек – нет! Так что справился... Правда, после отпусков недели три было тяжело. В отпусках я позволял себе поспать часов шесть-семь, так что опять входил в режим – восемнадцать часов работы и три-четыре сна – было довольно тяжело. Но справлялся. Пять лет. А потом у меня скакнуло давление, и я почти месяц не мог его сбить никакими лекарствами. Тогда я первый раз испугался, что сойду...

После завтрака мы с любимой переоделись в ифу и выдвинулись на площадку за домом, где нас уже ждал Чиюк Хаксенг.

– Мастер, – привычно поклонилась Алёнка – он ещё в её прошлый приезд приучил ко всем этим ритуальным «танцам», я же... хмыкнул. Любимая удивлённо покосилась на меня, но я тут же сделал морду кирпичом.

Ло Эр-Ган развёл меня как лоха. Дело в том, что Чиюк Хаксенг вовсе не был признанным мастером боевых искусств. Более того, его вообще никто из местных мастеров не считал себе ровней. Об этом говорило даже его имя. А вернее, прозвище. Во-первых, оно было корейским. Потому что и сам «мастер» был корейцем. А какие из корейцев мастера боевых искусств? Смех один! Ну, так считали местные... И, во-вторых, на корейском оно означало... физкультурник! Не Боец, не Боксёр, не какой-нибудь там Железный кулак или Стальная пятка, а физ-куль-тур-ник. Вот так вот местные мастера оценивали моего «высокоцитимого учителя». Так что Ло Эр-Ган просто посмеялся надо мной, рекомендовав глупому, смешному «длинноносому варвару» бесполезного физкультурника... Естественно, когда всё это открылось – я сначала разозлился. Ну обидно же! Но затем, остыв и оценив то, чего мы с Чиюк Хаксенгом к тому времени смогли добиться, я, к собственному удивлению, осознал, что, какие бы истинные побуждения ни руководили этим китайским «юмористом», его шуточка оказалась вполне себе удачной. Для меня. Потому что он подогнал мне именно того человека, который мне и был нужен... Я ведь совершенно не собирался становиться крутым бойцом или, там, признанным мастером боевых искусств. А ломать кулаком доски и кирпичи я научился ещё в школе. Так что сейчас мне требовалось просто разобраться с этой самой энергией, понять, насколько всё то, что я ощущаю, реально, а не самообман. Ну и научиться лучше её контролировать. А всякая пафосная трансцендентная муть – ци, ки и всё такое прочее, вкуче с какими-нибудь «ударами бирюзового Ледяного дракона», «сто двенадцатью сияющими молниями» и «семью стойками спящей Оранжевой цапли» мне были не очень-то интересны. И вот как раз в том, что меня интересовало, кореец оказался вполне себе компетентен... Нет, и всякие стойки я тоже запомнил вполне старательно, но больше потому, что помнил, как лет через пятнадцать в мире станут популярными такие жанры фантастики, как уся и сяня со всеми их производными. Так что быть в теме явно было полезным. В своей прошлой жизни я ничего такого не писал, но в этой я уже сделал довольно много того, чего не делал тогда. Так что кто знает, может, и в этих жанрах отмечусь.

Занятие с Чиюк Хаксенгом продлилось почти два часа. И – нет, мы не колотили кулаками по макиварам, не прыгали по столбикам и не разрубали брёвнышки ребром ладони или пяткой. Мы учились концентрировать энергию. Максимально. То есть не просто в ногах, руках или даже отдельной руке. То есть Алёнка училась именно этому. Я же уже перешёл на более высокую ступень. Моими объектами теперь стали такие части тела, как печень, сердце, селезёнка или даже отдельный палец. Причём кореец ругался на меня и говорил, что я невозможный лентяй, потому что к настоящему моменту уже должен был научиться концентрировать энергию не в каком-то там пальце, а максимум в ногте! А то и вообще в его кончике... А вот Алёнку он, наоборот, хвалил. Отчего она смущённо краснела и ещё сильнее старалась.

До спальни после занятий мы доползли на заплетающихся ногах. Несмотря на то что физические нагрузки, на первый взгляд, были небольшими, постоянная концентрация внимания выматывала похлеще марафона... Ну, то есть, нет, конечно, марафон – та ещё силодавка, но вполне сравнимо. Так что, добравшись до спальни, мы с любимой рухнули на кровать каждый со своей стороны и минут двадцать просто лежали в прострации, приходя в себя.

Любимая отошла первой. Ну как отошла... она первой зашевелилась. Со стоном стянула с себя ифу и побрела в душ. Я полежал ещё минут пять и тоже поднялся. Сняв свой ифу и подобрав Алёнкин, я выкинул их в коридор, дабы Манджула закинула их в стирку, и нырнул в душевую. Любимая уже закончила плескаться и устроилась на банкетке с феном, суша волосы. Ванная комната в этом доме была довольно большой.

– Какие планы?

Я задумался, а потом предложил:

– Магазины?

Алёнка радостно взвизгнула и, отшвырнув фен, прыгнула ко мне на руки... Короче, из душа мы вышли где-то через час. Эх, хорошо быть молодым!

Забег по магазинам затянулся до вечера. В Гонконге всегда было скопище брендовых магазинов, начиная от Canton Road, известной далеко за пределами анклава «улицы бутиков», и заканчивая огромным торговым центром Harbour city, построенным на месте старого порта Гонконга. Так что вторая половина дня оказалась у меня не слишком лёгкой.

Я никогда не любил ходить по магазинам. В той жизни у нас даже выработалась определённая технология подобных совместных с любимой походов. Зайдя в торговый центр, я устраивался где-нибудь в кафешке или на фуд-корте с планшетом и отпускал Алёнку в свободное плавание. А часа через три она, намерившись и купив то, что захотела на себя, приходила уже за мной и вела за собой мерить отобранные ею в процессе этого самого свободного плавания вещи уже на меня... Но в этом забеге такой номер проверить не получилось. Уж слишком на большой территории располагались магазины. Да и до первого iPad оставалось ещё десять лет. А именно с него и пошли те самые удобные планшеты, которые я помнил.

Вечер, естественно, оказался посвящён «модному дефиле». Любимая продемонстрировала мне всё, что купила, – от босоножек Salvatore Ferragamo, сумочек Louis Vuitton и до нескольких весьма сексуальных, обтягивающих её фигуру ципао красного, бирюзового и жемчужного цветов. А когда она с загадочным лицом вышла из ванной комнаты, в которой переодевалась, в тонком белоснежном пеньюаре, сквозь который просвечивалось алое кружевное нательное бельё, я понял, что показ мод на сегодня точно закончен. Ну соскучились мы друг по другу...

На следующий день мы проснулись куда раньше. Ну дык и заснули вчера тоже не слишком поздно. И, поскольку сегодня занятий с «мастером» не предвиделось, мы перед завтраком в спокойном темпе, минут за сорок пять, пробежали «десяточку».

– Уф... давно «десятку» не бегала, – заявила любимая, когда мы ввалились в спальню.

– А чего так?

Алёнка окинула меня выразительным взглядом.

– А то сам не понимаешь – то детей нужно в школу отвозить, то мам/дедушек/бабушек по магазинам и врачам.

– То лень... – съехидничал я. И закономерно получил подушкой в физиономию.

– Я в душ, – заявила моё счастье, наградив меня возмущённым взглядом, и тут же двинулась в объявленном направлении, на ходу весьма эротично избавляясь от спортивного топа и обтягивающих шортиков. Вследствие чего я тут же выкинул белый флаг и устремился вослед. Так что с завтраком мы снова задержались...

– Ну что, на какой пляж двинем? – поинтересовался я, когда мы, позавтракав, снова вернулись в спальню, и Алёнка переоделась в купальник и лёгкий пляжный сарафан.

– Не знаю. Сам решай, – бросила мне любимая, вертясь у зеркала и примеряя купленную вчера же большую соломенную шляпку с широкими полями.

– Тогда давай на Lower Chenung, – предложил я. – Там море самое чистое.

– А это который?

– Самый дальний. На острове Лантау. На метро поедем или на такси? – Ну да, ни машины, ни мотоцикла я здесь не завёл. Просто нужды не было. Я ведь здесь был занят только тем, что писал, бегал и занимался, пытаюсь разобраться с энергией. И всё, что мне для этого было нужно – кабинет с компом, утоптанная площадка с простыми спортивными снарядами и парой макивар и живописные дорожки для бега, – располагалось в доме или рядом с ним. Так что ездить куда-то мне никакой необходимости не было. Вот я личным транспортом и не озадачивался. А для тех редких случаев, когда надо было куда-то съездить, например в аэропорт встретить Алёнку или, скажем, на ночной рынок на Temple street, что на Цзюлуэ, – можно было взять такси или добраться на метро.

– Это тот, про который ты говорил, что он прямо в Южно-Китайское море открывается? Ну который рядом с новым аэропортом? – уточнила любимая.

– Ну да... но не совсем. Там островки дальше есть, а так – да, за ними уже Южно-Китайское море. Не залив.

Алёнка сморщила носик.

– На метро мы часа два будем добираться – там же пересадок куча... В самую жару приедем! Да и всё равно такси брать придётся или на автобусе трястись. Метро ведь до пляжа так пока и не протянули. Давай уж сразу на такси!

Я молча воздел руки вверх, а потом сложил их у груди в жесте «слушаю и повинуюсь».

Пока ехали, Алёнка принялась рассказывать мне про домашние дела... Доча заняла второе место на соревнованиях по гимнастике и была отобрана в музыкалке для участия в гала-концерте на День защиты детей. В отличие от нас с Алёнкой она обучалась саксофону. Ванька выиграл районный турнир по рукопашному бою. Зато учиться стал куда хуже. Елизавета Андреевна все нервы себе истрепала... Витюша получил второй юношеский разряд по плаванию. В музыкалку идти категорически не хочет, но на художку согласился. Хотя и нехотя. Ещё доча поцапалась с учительницей по английскому. Та прицепилась к её произношению, которое у неё, естественно, ну ни разу не классическое, а доча заявила, что со своим произношением прекрасно прожила шесть лет в Америке, в процессе этого проехав её всю от Вермонта до Флориды и от Лос-Анджелеса до Бостона, и её произношение ей ни капельки не помешало. Так что теперь регулярно таскает домой трояки по английскому...

– А среди детей она как, в авторитете? – уточнил я. Алёнка рассмеялась.

– После того как она приволокла в школу альбом с фотографиями путешествия на Амбрим, а потом сделала доклад в классе о вулканах – в крутейшем! – моя любимая каждый год делала для семьи семь-восемь фотоальбомов. Первый – годовой общесемейный, довольно толстый, в котором находили отражение все события, которые с нами происходили за год – путешествия, дни рождения, Рождество, Новый год и День Победы (его мы праздновали неукоснительно), а также иные праздники, плюс соревнования и школьные спектакли детей и всё такое прочее. Следующие три – персональные детские. Каждому ребёнку по их собственному годовому альбому, в котором было отражено то, что и как за год произошло именно с ними. А ещё три-четыре – о каждом нашем конкретном семейном путешествии.

Во время жизни в США мы ездили в путешествие почти каждые каникулы. Только на рождественские летали домой, в Москву, к родным... А летом таких путешествий могло быть и два. Причём последние два года перед нашим возвращением мы катались не только по США. Кроме Амбрима мы успели побывать в Ирландии, посмотрев массу интересного – от достопримечательностей Дублина и замка-скалы Кашел и до святилища Ньюгрейндж с Дорогой гигантов, а также в Индии, на Сокотре и в некоторых других местах. А после возвращений они продолжили эту традицию. Правда, последний год катались в основном по России – Красноярские Столбы, озеро Сасык-Сиваш, Кухтины Баты... И Алёнка старалась, чтобы фотографии во всех альбомах не слишком повторялись. Для того чтобы было интересно пересматривать не только свой, но и другие. Чем мы, кстати, регулярно всей семьёй и занимались. – И, кстати, ты оказался прав – то, что она жила в доме Мэрилин Монро, тоже сыграло свою роль. Короче, шмотками-драгоценностями-духами и отдыхом на крутых курортах в пятизвёздочных отелях многие могут похвастаться – такая уж у нас школа, а вот проживанием в таком доме и восхождением на вулкан, путешествием на яхте по Бермудскому треугольнику или походом в колыбель человечества – Олдувайское ущелье и Лаэтоли³ либо чем-то подобным – практически никто.

³ Олдувай и Лаэтоли, расположенные в 25 км друг от друга местности в Танзании, на которых обнаружены самые древние останки доисторических людей и следы их культурной деятельности («Олдувайская культура»), возрастом от 1 до 3,6 млн лет.

– А как наши взрослые? – поинтересовался я. Алёнка удивленно воззрилась на меня.

– Я ж тебе ещё позавчера всё рассказала. Когда мы из аэропорта ехали... – Ага, а я типа её слушал. Да я на неё наглядеться не мог. И все силы прилагал на то, чтобы прямо в машине на неё не наброситься. Так по ней соскучился... Так что я только улыбнулся и быстро чмокнул любимую в губы. Из-за чего она тут же отстранилась от меня и выразительно покосилась в сторону таксиста. Ну стесняшка она у меня...

– Да, в общем, без особенных проблем. Дедусе всё чаще требуется переливание крови, но мы установили портативную станцию в медицинской комнате дома – так что он теперь проходит эту процедуру прямо там. Бабуся в полном порядке. Родители – тоже. Твой папа готовится к защите докторской, но там всё вроде как на мази. Уже даже апробацию прошёл. Мой папа с дедусей увлеклись ягодной теплицей. Причём посадили рассаду не только клубники, но и голубики. Из Финляндии выписали... – тут Алёнка округлила глаза. – Ой, забыла сказать. Пыря просил передать, что кузова «ЗИС-110» он не нашёл, зато отыскал бронированный от «ЗИС-115». Но ты можешь не волноваться. Он уже связался с парочкой фирм, которые имеют опыт работы с бронированными кузовами. Так что всё будет в порядке.

Услышав эту новость, я только крикнул. Ну Пы-ыря, ну жук... После всего того, что случилось на церемонии «Оскара», он просто двинулся на моей безопасности, настаивая, чтобы я использовал в качестве представительского непременно бронированный автомобиль. Я же вообще не хотел никакого представительского автомобиля. Нет, прокатиться раз-другой можно, но на постоянку-то зачем? Я ж не собирался заниматься бизнесом. Только инвестициями. Так что я даже офиса заводить не планировал... Ну и куда мне на нём ездить? Но Пыря, иезуит такой, соблазнил меня репликарром. И я загорелся идеей сделать подобный на базе кузова «ЗИС-110» – последнего автомобиля Сталина. Тем более что этот автомобиль был рамным, так что посадить его кузов на базу какого-нибудь рамного внедорожника не должно стать слишком сложной задачей... И вот выясняется, что мой друг-манипулятор всё вывернул по-своему – как же, не нашёл он небронированного кузова. Так я и поверил...

На пляже было немногочленно. Во-первых – рабочий день, и, во-вторых, после передачи Гонконга Китаю многие местные жители из числа тех, что побогаче, съёрнули из города. Нет, кое-кто, увидев через некоторое время, что китайские власти действительно не собираются устраивать тут ни ГУЛАГа, ни раскулачивания, к настоящему моменту уже вернулись, но далеко не все.

Мы с Алёнкой расположились неподалёку от группы больших валунов, делящей пляж на две неравные части. На полотенцах. Моя любимая, быстренько скинув платье, рванула в воду, а я завалился позагорать. Но долго не выдержал. И уже через десять минут присоединился к ней.

Заметив меня, любимая задорно крикнула:

– Догоняй! – и заработала руками. Она и в прошлой жизни очень любила плавать, говорила, что, похоже, в каком-то из перерождений точно была дельфином, а уж в этой и подавно. Ну, учитывая, что ещё в школе стала мастером спорта по плаванию. Так что мне стоило больших трудов даже не догнать её, а просто удержаться за неё, не сильно отстав. Увы, в воде я был ей не конкурент...

Доплыв до небольшого островка Ча Кво Чау, до которого от того места, где мы расположились, было чуть больше двух километров, Алёнка, не вылезая из воды, развернулась и двинулась обратно. Морское дно рядом с островком было каменистым, да и сам островок был окаймлён неудобным каменным пляжем, так что выбираться на него не было никакого смысла. Ну если вы не страдаете мазохизмом...

Обратно мы плыли уже спокойно – брассом, а не кролем. И болтая обо всём на свете. Так что на берег выбрались хоть и усталыми, но не на последнем изнеможении. Алёнка выскочила первой, а я ещё несколько раз нырнул. В прошлой жизни я не освоил умение нырять с открытыми глазами, а вот в этой у меня получилось. И я иногда позволял себе поплавать у дна,

разглядывая мелкую живность... Впрочем, тем же самым можно было заняться, купив маску или очки. Так что особого практического смысла это умение не имело. Но мне вот захотелось.

Когда я выбрался из воды, жена уже вытерлась и легла на полотенце в весьма живописной позе. Я очередной раз облизнулся и порадовался за себя – какую жену отхватил! Умница, красавица, хозяйка... и, рухнув на песок рядом с любимой, прикрыл глаза. Позагораем...

Надолго это не затянулось. Минут через двадцать, извертевшись, я не выдержал и удрал в воду. Ну не умею я спокойно валяться! А ещё через пятнадцать минут ко мне присоединилась и Алёнка.

– Уф, устала лежать.

А я извернулся и, поймав любимую за талию, чмокнул в губы.

– Ты солёный, – засмеялась она.

На этот раз далеко мы не плавали... так, поплескались в паре сотен метров от берега и вернулись.

– М-да... м-м... – задумчиво протянул я, когда мы выбрались на берег. Около наших полотенец на песке застыло четыре мотоцикла, а рядом неторопливо разоблачались четыре байкера. Классических таких – мощных, с бычьими шеями, в наколках... Жилетки с крылатым черепом и крупной надписью Hells Angels California уже лежали на песке, аккуратно свёрнутые так, чтобы надпись была видна. Алёнка тут же вцепилась в мою руку.

– Ром, давай просто уйдём!

В смысле?

– Ну-у-у... не обращай на них внимания. Что бы они ни говорили... хорошо?

Я с сомнением покачал головой.

– Попробую...

Несмотря на всю мою любовь к мотоциклам, за все семь лет моего пребывания в Америке я так и не вступил ни в один байкер-клуб. Даже мысли такой не появилось. Не привлекали они меня ни эстетически, ни социально. Но сталкивался. Не то чтобы часто, но раза три было. И после пары последних я получил в их среде без сомнения почётную кличку Wild russian. Не то чтобы там было что-то серьёзное, но-о-о... короче, лос-анджелесские байкеры ко мне после этого особенно не лезли. Эти, судя по надписи, из Калифорнии, и есть шанс, что они про меня слышали. Тогда можем и разойтись краями. Если, конечно, я сумею их убедить, что я и есть тот самый Wild russian. Что без мотоцикла довольно проблематично...

– Ладно, сейчас быстро идём к полотенцам – там забираешь свою сумочку и уходишь. Полотенце, платье и всё остальное – не берешь!

– Но...

– Если что – купим тебе новое, – оборвал я её. – А до дома на такси доедем...

Может, я, конечно, и перестраховываюсь, но уж очень плотоядные взгляды эти парни бросили в сторону стройной фигурки моей жены. Нет, конечно, можно надеяться, что никто ничего не скажет... но, увы, это – фантастика. Я знаю, как-никак я – профессионал в этой области. Фантаст! Так что, возможно, и есть среди Hells Angels милые люди, занимающиеся чистым косплеем, но эти явно не из таких – видно, как зыркают. И улыбочки... Подобные ребята питаются страхом, поэтом физически не способны не наезжать и не провоцировать. Особенно когда обладают численным превосходством. А сейчас они им обладают. Классическая ситуация – одинокая пара из парня и девушки... ну ладно – из молодого мужчины и женщины против brutальных мужиков с мощными мотоциклами. Гоняй таких – не хочу! Причём парочка ещё и голая – только из моря вылезли. Ещё один плюс в копилочку психологического давления... Ну вот хрен они удержатся!

– Всё – идём, – и мы медленно двинулись к своим полотенцам. Прямо навстречу гнусным улыбочкам...

Но тут ситуация резко развернулась. Ну, или обострилась. Потому что из-за спин плотоядно пляшущих на нас байкеров, со стороны дороги, тянущейся вдоль всего пляжа, послышался нарастающий рёв мотоциклов. То есть к байкерам явно подтягивалось подкрепление. Я мысленно застонал и быстро спросил:

– У тебя в сумочке много нужного?

– Д-да, паспорт, билеты, кредитка... – напряжённым голосом прошептала Алёнка. Я прикинул – всё восстанавливаемо. Не так быстро, как в будущем, но вполне нормально. Единственное – паспорт. Хрен его знает, пустят ли её в самолёт со справкой о потере. По идее должны, но-о... И тут на пляж картинно выскочил десяток мотоциклов и закружил вокруг четверых «Ангелов», причём один из них – сука такая, проехал прямо по нашим полотенцам! Но я лишь осторожно выдохнул. Потому что на спинах у них было изображение узкоглазого типа на мотоцикле и с хохлом на черепе и надписью Mongols и Nomad. Монголы! Злейшие враги «Ангелов ада»... Все группировки байкеров враждуют со всеми. Это непреложный закон. Но среди всего этого есть вражда, подпитанная десятилетиями кровавых разборок и убийств. Этакий байкерский вариант «El classico». Так вот – вражда между Hells Angels и Mongols была именно такой. Она зародилась ещё в семидесятые, когда «Монголы» сцепились с «Ангелами» за контроль над Калифорнией, что после десятков и сотен кровавых драк закончилось подписанием соглашения о разделе зон влияния. Но противостояние это не остановило. Стычки и драки продолжались все годы, то разрастаясь до настоящей войны с кровавыми разборками и трупам, то слегка затихая, но никогда не прекращаясь совсем...

И это означало, что у тех, кто так гнусно поглядывал на нас, нарисовались большие проблемы. Что давало шанс уже нам. Шанс на то, чтобы слинять без особенных потерь. Ну, если мы, конечно, сумеем сделать это до того, как начнётся поножовщина...

Но мы не сумели. И виноват в этом был именно я. Не просчитал траекторию нашего отхода. Слишком уж близко она проходила от одного из «Монголов», заехавшего на своём «Харлее» во фланг ошетилившимся «Ангелам».

– Ты куда это, сладкая? – я, отходивший, настороженно глядя на основную группу, резко обернулся. Тощий латинос, тихо подкативший на своём мотоцикле так, чтобы перекрыть направление отхода «Ангелам» и, к сожалению, нам тоже, ухватил Алёнку за локоть, нагло скаля кривоватые жёлтые зубы. – Не торопись. Отдохни с нами. Твой парень не против, так ведь? – он с насмешкой уставился на меня. Я замер. Блин... сейчас бы сыграть труса, полебезить там, изобразить из себя, то есть усыпить бдительность, а потом выбрать момент и-и-и...

– Это муж, – холодно отозвалась любимая, – и тебе лучше отпустить мою руку. Потому что иначе он вырвет тебе кадык.

– Этот?! – латинос запрокинул голову, вероятно собираясь разразиться хохотом, но не успел. Потому что я не упустил момент. Всё равно притворяться было уже поздно.

– Хрясь! – Удар в голову опрокинул его с мотоцикла. – Флых! – С его плеч слетела заметно великоватая ему жилетка, которую не застегнул, отчего сдёрнуть её оказалось достаточно просто, а она была достаточно плотная и тяжёлая, чтобы использовать её в виде такого примитивного, но достаточно эффективного заменителя хлыста, заметно увеличив этим дальность атаки. – Хлесь! – Усыпанная заклёпками жилетка хлестнула по лицу его соседу, разорвав щёку и, похоже, повредив глаз, после чего я толкнул Алёнку и выдохнул: – Беги... – а в следующее мгновение один из «Ангелов» заревел:

– Мочи номадов! – ну и понеслася.

– Хрясь! Тресь! Бвыкл... На-а-а! Суки! Получи... – я крутился как белка в колесе и ругал себя – ну не идиот ли! Удары не хотел учить, с энергией разбирался... вот – получите, не обляпайтесь! А как бы мне это китайское кунг-фу сейчас пригодилось. В стиле Джеки Чана... И вообще – если бы не опыт прошлой жизни, меня бы уже раз пять загасили. А так пока верчусь. Хотя парочку раз уже прилетело. По рёбрам и по левой руке... ай, сука... вот и ещё раз...

Я крутился, приседая, уворачиваясь и отвечая кулаком, коленкой, локтем, жилеткой... даже лбом разок приложил. Нет, в таких ударах я не мастер, но подвернулся момент...

И уже в самом конце, когда со стороны дороги вдоль пляжа послышалось многоголосое завывание полицейских сирен, мне прилетело по затылку. Удар. Тьма...

Глава 3

– Ну как?

Я молча обошёл получившееся «чудо природы» и, остановившись, покачал головой.

– Да уж – красота... – получившаяся машина действительно была красива. Перламутровый окрас, сияющий хром, голубоватые стёкла, фары, слегка отличающиеся по форме от тех, с которыми она родилась, но зато способные сформировать современный световой поток... Дизайн был на грани китча, но именно на грани. Не переступив оную. Ну на мой взгляд... кто-то может и не согласиться. Но мне нравилось.

– А я о чём? – гордо заявил Пыря.

– А база у него от чего?

– От фордовского пикапа F-серии. Они там на его основе большой внедорожник сделали – «Экскёршен», ну мы и подсутились – купили один такой и отдали в переделку.

– То есть он в базе – заднеприводной? – я присел и заглянул под днище. – И задний мост на рессорах?

– Ого! – Пыря уважительно покачал головой. – Разбираешься!

– Да я статью прочитал в Car and Driver. Ещё в Лос-Анджелесе. Прямо перед самым «Оскаром». Там как раз писали о новинках автосалона в Далласе, а «Экскёршен» там был одной из главных звёзд.

– Поня-ятно, – усмехнулся мой начальник службы безопасности. – Но здесь сделали полный привод. Причём постоянный. Не помню точно, откуда взяли. Вроде как от «Гелика». И движок от него же. Рядная шестёрка. В базе-то у «ЗИСа» рядная восьмёрка была, так что никакие V-образные под капот не лезут. Нос узковат. Но зато шестёрка встала очень свободно. Поэтому под капот удалось впихнуть и кондиционер, и фильтровентиляционную установку, ну чтобы тебя, если что, слезоточивым газом из салона не выкурили, и ГУР, и усилители тормозов, и ещё тучу всякого полезного. А салон вообще сказка! – и Пыря гордо распахнул массивную «калитку» толщиной с мою ногу. – Сам маэстро Джуджаро делал. Как и общий дизайн, кстати. Например, этот цвет – его заслуга. Ну круто же выглядит!

Я недоверчиво хмыкнул.

– И как ты его уговорил?

– А я не уговаривал, – гордо заявил мой начальник службы безопасности. – Только сказал кому надо сделать – он сам загорелся! Ты, знаешь ли, довольно популярен в Италии. Особенно среди творческих кругов...

– И с чего бы это? – удивился я.

– Ну ты вроде как первым выступил против «европейских ядерных преступлений американцев».

Да-да, это в европейских, так сказать, творческих кругах их операцию в Сербии теперь только так и называют. На сербов-то им, естественно, плевать с высокой колокольни, а вот всё, что связано с атомом, до сих пор их пугает до дрожи.

Я помрачнел. Вот на хера мне это? Я-то думал, что теперь уже не являюсь действующим раздражителем для американцев, но, похоже, ошибался. И что делать? Может, я рано вылез из своей «норки»? Впрочем, всё равно жалеть об этом поздно. Вылез уже.

– Ладно, не хрен болтать – садись давай. Поехали уже. Семья ждёт.

Пыря тут же замолчал и, аккуратно дав захлопнуть за мной дверь встроенному доводчику, тут же юркнул на переднее сиденье рядом с водителем. Там вообще-то место «личника», а начальник службы безопасности должен, по идее, сидеть рядом. Но мой старый товарищ правильно понял, что я после долгого перелёта устал и нахожусь в слегка раздражённом настроении, так что лучше дать мне побыть в одиночестве и успокоиться...

Столкновение с байкерами закончилось ожидаемо – полицией и больничной палатой. Впрочем, в палате я пролежал недолго. Ссадина на затылке после удара мотоциклетной цепью была не такой уж и большой, так что в больнице меня оставили больше из-за опасений по поводу возможного сотрясения мозга. Меня и правда немного подташнивало. И в голове шумело. Но, переспав ночь в палате, я сообщил доктору-китайцу, что чувствую себя нормально, и, оплатив за оказание медицинской помощи две тысячи гонконгских долларов, что соответствовало чуть более чем двум с половиной сотням американских, я покинул «гостеприимный» госпиталь. Алёнка, которую вчера вечером с трудом удалось выпихнуть из моей палаты, уже ждала меня рядом с такси. Так что до дома мы добрались вполне оперативно.

Там она сразу же аккуратно сняла с головы эластичный сетчатый бинт и лично осмотрела мои «раны», после чего категорично заявила:

– Всё, я тебя здесь не оставлю! Полетишь со мной. Хватит здесь торчать с этими китайцами – вон, чуть не прибили!

Я было вскинулся, собираясь озвучить вполне логичные аргументы насчёт того, во-первых, подрались мы вовсе не с китайцами, во-вторых, не было бы её – вряд ли бы даже такие отвязные личности, как байкеры, без причины полезли на одинокого, но вполне накачанного парня... но осознал, что меня тоже уже достало так долго жить вдали от семьи. Да и все мои опасения, судя по тому, что у меня на пороге до сих пор не появилось никого неприятного, скорее всего, оказались необоснованными. Плюс моё имя с адресом после вчерашнего происшествия теперь точно попадёт в полицейские базы данных. Так что даже если я и неправ насчёт необоснованности – жить здесь дальше тоже уже нельзя... Короче, как ни крути – пора возвращаться.

Но ехать сразу, вместе с ней – я отказался. И аренда была оплачена до конца лета, и занятия с Чиюк Хаксенгом тоже надо было закруглить чем-то итоговым. Тем более что он настаивал, что я на пороге некоего «прорыва». Плюс мои мысли насчёт собственных боевых возможностей, оказавшихся слишком слабыми... Да и книгу, которую я писал, стоит закончить. Потому что, едва только вернусь – закрутит всякое-разное. Вот точно дома мне несколько месяцев будет совсем не до писательства.

Так что через пару дней и после консультаций с Чиюк Хаксенгом было решено, что в Россию я отправлюсь в конце августа или самом начале сентября. Издательство «Эксмо», с которым я много сотрудничал и в прошлой жизни, как раз собиралось к тому моменту выпустить мою новую книгу. Нет, не ту, что я писал сейчас, а предыдущую, текст которой я отправил им по факсу ещё в конце апреля, но поскольку лето считалось «мёртвым сезоном» книгопродаж, они подгадали её выход к сентябрю. Плюс в первую неделю сентября проходит Московская международная книжная выставка-ярмарка, про участие в программе которой мне в издательстве также закидывали удочку. Так что сложилось одно к одному – и есть время закончить здесь с делами, и есть внятное понимание, к какому сроку полезно вернуться. На том и порешили.

С энергетикой получилось интересно. Боевые возможности я за эти три месяца, конечно, слегка поднял, но не слишком много. Зато с помощью этой самой неким образом ощущаемой мной энергии я научился... отсушивать папилломы. Ржёте? А вот Чиюк Хаксенг ходил надутый от гордости за ученика. Да и для Алёнки подобный результат стал предметом страшной зависти и мощным мотиватором. И не то чтобы у неё с этим были проблемы – так, пара едва заметных родинок в скрытых, даже интимных местах, а вот поди ж ты... Так что проблему с недостаточным уровнем собственной боеспособности я решил другим способом. Каким? Отвёртки! А что – оружием они ни разу не считаются, так что даже если полиция прицепится – ничего предъявить не сможет. Да с ними сейчас, до 11 сентября 2001-го, даже в салон самолёта пускают без проблем! Ну как тех террористов-саудовцев с пластиковыми ножами для резки бумаги, с помощью которых они и захватили самолёты... Начал с обычными, купленными в ближайшем магазине, а потом Чиюк Хаксенг заказал мне пять штук отличных кованых

стержней, выполненных в виде отвёрток. Три шлицевых, с остро отточенным лезвием, и две крестовых, с не менее острым кончиком. И кожаную кобуру с бронзовыми упорами, в которой мои отвёртки были на первый взгляд абсолютно неотличимы от обычного слесарного набора. Ну как обычного... дорогого набора. Эксклюзивного. Но именно слесарного. Точно не оружие. После чего мы с Учителем, который, как выяснилось, имел неплохое представление о ножевом бое, включили этот элемент в наши тренировки. Хотя от ножа там остались только тычковые удары. Ибо лезвий, чтобы резать, у отвёрток не было по определению. Впрочем, полоснуть кончиком можно было неплохо... Плюс я заказал несколько круглых мишеней разных размеров и повесил их в кабинете, спальне и на площадке для занятий во дворе, занявшись отработкой приёмов метания. Мишени были изготовлены из довольно твёрдого дерева, но отвёртки были достаточно прочны и остры, чтобы втыкаться... Сильно больших успехов я в этом не достиг, но на расстоянии метров до десяти я втыкал отвёртку в мишень в двадцати трёх случаях из двадцати пяти. С точностью были некоторые проблемы – то есть в центр круга я попадал раза три из десяти, но в саму мишень почти всегда.

Что ещё? Я подружился с байкерами. Ну с теми, которые из «Ангелов ада». Произошло это в аэропорту после того, как я проводил Алёнку. Они торчали в баре, ожидая вылета... Ну, то есть вылета ожидали двое, самые пострадавшие – у Филя была сломана рука, а у Джима – челюсть. Так что они возвращались в Лос-Анджелес. А Дик и Лео пока оставались. Им нужно было отправить «Харлеи» Филя и Джима в Америку, а потом они собирались продолжить путешествие, в процессе которого и оказались в Гонконге. Парни собирались сделать кругосветку. На мотоциклах... Я им даже позавидовал.

Короче, меня окликнули, пригласили за столик в баре, в котором Джим наливался виски через трубочку. Потому что двигать челюстью и, соответственно, открывать рот был не способен. Потом сообщили, что меня искали. Ну чтобы поблагодарить. Потому что без меня их бы загасили влёгкую. А со мной вышло как бы даже и наоборот. Во всяком случае «Монголов» в больницу попало аж шесть человек. И трое оказались не в лучшем, чем Фил и Джим, состоянии... Когда же я представился и сообщил, что долго жил в Лос-Анджелесе и был известен там как *Wild russian*, то дружно завопили, что конечно же обо мне слышали и сразу поняли, что я свой парень. И жаль, что эти *fucking nomads* не дали возможности нам нормально познакомиться... Ну в отношении того, насколько это «нормально» было бы действительно нормально, у меня были сильные сомнения, да и слышал обо мне явно только один, а остальные ему просто поддакнули, но настроены парни были явно доброжелательно. В конце концов, мы вместе дрались против «Монголов». А «боевое братство» всегда порождает особые отношения... Так что большего и требовать было нельзя.

Когда объявили посадку, Джим неожиданно стянул с плеч свою жилетку с символикой *Hells Angels* и знаками показал, что хочет подарить её мне. И парни тут же поддержали его порыв бурными, одобрительными воплями. Они-то начали раньше, чем я присоединился, так что к этому моменту уже порядочно набрались. Я слегка завис, а потом заявил, что с благодарностью принимаю подарок, но оставить его без «отдарка» не могу. Не принято так у нас, русских... После чего снял с руки свой скромный, швейцарский *Breitling* и протянул ему. Отчего вопли стали только громче. Меня хлопали по плечам, обнимали и орали, что вот сейчас точно уверены, что я настоящий «свой парень». Ну да – часики хоть и действительно были скромными, ну по меркам фирмы – никакого золотого или платинового корпуса – честная сталь, но стоили раз в сто больше жилетки...

– Ох ты ж! – я вынырнул из воспоминаний и, вытаращив глаза, усталился на возникшую прямо по курсу красоту. Да уж... ван Эгераат превзошёл себя. Мы въехали на старый Карамышевский мост (ну, то есть пока единственный – новый ведь ещё не построили), и впереди, над лесом, возник сияющий замок. Он был будто соткан из света.

Пыря развернулся и гордо посмотрел на меня, как будто именно он его и построил... Этот замок не слишком напоминал классические немецкие или французские замки, да и образец всех сказочных замков мира – Нойшванштайн тоже, но выглядел он не менее сказочно. Особенно учитывая то, что замковый силуэт был образован стеклянным куполом причудливой формы, который был красиво подсвечен. Больше всего этот сияющий замок был, пожалуй, похож на Мон-сен-Мишель, который, как известно, больше аббатство, чем замок. Но как бы там ни было – выглядел он волшебно.

– Мы на том берегу Москвы-реки за свой счёт кусок набережной сделали и беседку над ней, – гордо сообщил Пыря, – так народ там теперь вовсю фотографируется на фоне нашего «Сияющего замка». Особенно свадьбы.

Я несколько смущённо хмыкнул. Да уж... выделился – нечего сказать. Нечто похожее сотворил, пожалуй, только один из застройщиков Москва-Сити, который заказал для своей любовницы – американской модели и актрисы Наоми Кемпбелл футуристический особняк у Захи Хадид. И то его «сад скромного чиновника» был построен «во глубине рублёвских руд» и никому глаза особенно не мозолил. Мой же... м-да. А с другой стороны – отчего люди так любят путешествовать по старым европейским городам – немецким, французским, итальянским? Да потому что те радуют глаз! Но ведь все эти сказочные дворцы, соборы, парки, каналы – всё это было когда-то построено князьями, графами, баронами, купцами, архиепископами и всяким таким весьма небедным людом. Как и наш Питер, кстати. Его ж не зря считают самым красивым и романтическим городом страны... Так что красоту надо не прятать где-то на Рублёвке, а строить открыто – украшать наши города. Тоже делать их сказочными. Заполненными дворцами и парками. Чем мы хуже-то?

Ко въезду в посёлок мы подъехали минут через семь. Никакой Северо-Западной хорды здесь пока, естественно, ещё не было, и улица Нижние Мнёвники представляла из себя обычное для московских заводских окраин зрелище с разбитым от движения большегрузов асфальтом и заборами из бетонных панелей по бокам. Из всех достопримечательностей – только пара заправок неизвестных фирм и какие-то руины, виднеющиеся сквозь заросли по левой стороне.

– Посёлок Главмосстроя, – кивнув в их сторону, сообщил Пыря. – Его расселили ещё в 1991-м. Мы его тоже выкупили.

– Зачем? – удивился я.

– Так, как рассказывает Зёма, ты тут собрался настоящий сказочный остров строить. Так что земля точно понадобится... Плюс там есть несколько вполне себе прочных домиков ещё сталинской постройки, которые достаточно просто реанимировать – и появится место, куда людей, что в охране и обслуживании работают, заселить. Что очень сильно сократит время реакции в случае внезапных резких изменений обстановки. Плюс там кое-какие объекты московского ОМОНа – есть где разворачивать тренировочную базу... – тут мой начальник службы безопасности бросил в мою сторону красноречивый взгляд. Ну да – когда я ставил ему задачу по формированию моей службы безопасности, то выдвинул некоторые весьма специфические требования для части её сотрудников. Причём самой высокооплачиваемой части. А потом мы свернули с улицы на эстакаду, с вершины которой открылся вид на посёлок. И я задохнулся от открывшегося вида...

Когда-то, в прошлой жизни, мы с женой и младшим сыном поехали в экскурсионную поездку по Германии. И первым пунктом нашего пребывания оказалась Бавария. Это был ноябрь, самое начало – осенние школьные каникулы... Так вот именно там я осознал истоки авангардизма. Пёстрое цветное полотно баварского леса возбуждало обалденные эмоции само по себе, безо всяких дополнительных украшательств! А ведь они тоже были – замки, дворцы, расписные домишки Обераммергау и Гармиш-Партенкирхена, барочная церковь Визкирхе, аббатство Этталь... И сейчас передо мной раскинулось нечто подобное – купы деревьев, украшенных разноцветной осенней листвой разных оттенков – частью ещё зелёной, но и оранже-

вой, и красной, и салатовой, и жёлтой, – очень напоминали именно баварский осенний лес. Нет, если ты его ни разу не видел вживую, то отличий от русского немного – чуть шире палитра, чуть ярче краски, чуть другой формы кроны... действительно очень похоже на русский осенний лес, но для опытного и внимательного взгляда всё-таки немного другой. Как здесь. Просто потому, что здесь были специально высажены деревья, которые в этой климатической зоне в России почти не встречаются, – английский дуб, бук, граб, кедр, японская сосна, скальный можжевельник... хотя и местных растений было немало – те же липа, ольха, черемуха, ясень, рябина. А среди всего этого природного великолепия были проложены красивые дорожки, то избегающие живописные холмы, под которыми скрывались дома, выглядывающие наружу разноцветными окошками, сверху накрытыми изящными двускатными крышами, что делало их похожими на маленькие домики гномов или хоббитов, то выющиеся между ними... которые освещались причудливыми коваными фонарями, каждый из которых был не похож на другие. А между ними были разбросаны красивые беседки, построенные в сказочном, так сказать, эльфийском стиле. Разные – в каких-то можно было уединиться максимум втроем-вчетвером, а в каких-то достаточно свободно могли разместиться несколько десятков человек... Ну а чуть дальше, на воде речного залива, выкопанного на месте Тереховского болота, покачивались изящные лодки с натянутыми над ними пологами, а также несколько яхт и катеров. Всё это создавало ощущение того, что это место расположено не в России, и даже не в Европе или Америке, в какой-то сказочной стране. Скорее всего, в том воспетом Толкином Средиземье. Ну так недаром это место называлось Shire...

– Шиповник, крыжовник, ирга, тёрн, а в глубине – всякие несъедобные колючки, – рассказывал Пыря, тыкая рукой в сторону их зарослей, по периметру окаймляющих эту сказочную страну. Вместо забора. – А внутри их ещё и МЗП. Через кусты до них не добраться, так что кто случайный не напорется, а если специально полезет – то так ему и надо.

Я задумался, а потом, нахмурившись, спросил:

– А если пацаны запутаются?

– Так зачем пацанам внутрь лезть-то? – удивился мой начальник службы безопасности. – Они по краям всё объедают. Специально так посадили, чтобы снаружи вкусное – а внутри ничего интересного. Плюс по земле и немного над ней ещё и решётки. С виду никаких заборов – как ты и хотел, только заросли, а реально – хрен пролезешь! Ну и камеры, конечно...

Я согласно кивнул. Да, так и есть. Не люблю глухих заборов.

Машина нырнула в короткий тоннель и, даже не притормозив, проскочила перед заранее поднятым довольно массивным шлагбаумом.

– А чего даже не остановили? – недовольно вскинулся я. Пыря снова развернулся ко мне и усмехнулся.

– А у нас тут что – военный объект? Машина у тебя – приметная, её все здесь знают – так чего тормозить? Нет, если ты отдашь команду – будем не только тормозить, но и документы водителя и пассажиров проверять, и личный досмотр устраивать, и полный обыск машин делать со снятием кресел с диванами и обивки с потолка. Ты – хозяин! Так что только скажи.

– Кхм, – я смущённо кашлянул. Ну да, чего-то я не того...

Обогнув залив, машина подъехала к «Сияющему замку». Я выскочил наружу и замер, оглядывая свой домик... Да уж – на картинках всё это выглядело намного менее впечатляюще. Хотя обычно случается наоборот. Но мне тут же пришлось отвлечься от созерцания и распахивать руки.

– Па-а-а-а-па! – мне на шею взлетела голенастая ракета, у которой, кхм... уже проявились некие вторичные половые признаки. Ну так доче уже скоро четырнадцать исполнится – пора.

– Па-а-а-ап! – ещё одну ракету я принял на правую руку. И тут же следующую на левую.

– Ух какие вы тяжёлые! Как подросли-то... – своих малышей я не видел полтора года... ну, то есть вживую. Фотографии мне Алёнка, естественно, привозила. Эх, как жаль, что никакого Skype или WhatsApp пока ещё не существовало. Помню, в прошлой жизни мы всю общались и с Алёнкой, и с детьми и внуками, когда я или мы с любимой уезжали путешествовать или на рабочий такт – писать. Но это было уже гораздо позже – в десятых...

Ужин по случаю моего возвращения получился не совсем семейным. Потому что кроме семьи, представленной, кстати, в расширенном составе, потому что кроме самого близкого круга были приглашены и все московские родственники, включая моего любимого дядю Женю, а также рязанские и украинские. Впрочем, из украинских почти половину тоже уже можно было считать московскими – за то время, когда они после Чернобыля квартировали у нас, большая часть молодёжи успела вжиться и обустроиться. Так что после возвращения моих из Америки большая часть украинских родственников мотанулась на Украину, только чтобы продать жильё и иную собственность и сразу же вернуться... Плюс здесь были и наши с Алёнкой старые друзья, существенная часть из которых в настоящий момент обживала этот посёлок. Так что ужин получился многолюдным – человек на пятьдесят.

– Ну как? – гордо поинтересовался Зёма, когда мы, наконец насытившись, встали из-за стола и вышли во внутренний двор, как раз и накрытый тем самым подсвеченным куполом в виде замка. Здесь тоже был газон, дорожки, вот только подбор деревьев был заметно более южным – бадан, барвинок, лавр, бадьян, самшит, дрок. Ну и апельсины с лимонами, конечно... А в самом центре торжественно возвышалась голубая ель. Её специально посадили в центре внутреннего двора, чтобы наряжать на Новый год.

– Здорово, – вполне искренне ответил я. Зёма всё так же гордо наклонил голову. Но почти сразу же оживился.

– Слушай, тут такое дело – Брынцалов санаторий продаёт в Сочи. С историей. Всё как ты любишь... У него тёрки с датчанами уже второй год тянутся, плюс налоговая вцепилась – вот он и ищет кому бы прода...

– Зё-ёма, – благодушно протянул я. – Ну чего ты прицепился-то? Тоже мне – нашёл время и место. Я только вернулся. По своим соскучился. Дай хоть отдышаться-то...

Друг слегка стушевался.

– Да, прости... – но напоследок всё равно не удержался и добавил: – Просто он продаёт как раз то, что ты хотел – санаторий «Кавказская Ривьера». Он существует с 1909 года, но после того, как его закрыли в 1998-м – там всё разворовано и разбито.

– Зёма!

– Понял-понял – завтра.

– Не завтра, а в понедельник. Или во вторник. Как оклемаюсь и общением с семьёй насыщусь – тогда и делами займусь. Детей сто лет не видел – отстань!

– Так упустим же!

– Другое найдём, – отрезал я. И Зёма разочарованно отвалил. А я подошёл к деду, который тоже вышел во двор. Здесь вообще стало многолюдно.

– Как ты?

– Пыхчу потихоньку, – усмехнулся он. – Вон сколько забот тебе доставляю.

– Они в радость, – ответил я, обнимая его. В прошлой жизни к этому моменту он уже умер. Причём последние два года очень сильно болел. Даже ходить долго не мог. Но всё равно ковырялся в огороде. Брал табуретку, тяпку и потихоньку полон клубнику... А сейчас ещё вполне молодец! Пыря мне рассказал, что они с тестем отгородили кустами кусок территории и устроили там себе огород – с теплицами, с клубникой, с компостной ямой... Конечно, они не одни там возились – Алёнка выделила им отдельного садовника из числа тех, что ухаживали за всеми нашими многочисленными насаждениями. Зато в сезон помидорами, огурцами, пер-

цами, а также клубникой, голубикой, малиной и крыжовником со смородиной наша семья была обеспечена с собственного огорода. Чем дедуся с бабусей и тесть с тётшей весьма гордились.

– Я завтра попробую с тобой снова массаж поделать, как раньше, – пообещал я деду. – Меня в Гонконге кое-чему обучили. Вот и посмотрим, как это тебе поможет. – Ну да, я своей энергией мог не только папилломы отсушивать, но и стимулировать. С папилломами была, так сказать, моя вершина – максимум силы воздействия и концентрации! Стимулирование же мне давалось гораздо легче. Там и концентрировать воздействие фактически в точке не нужно было, и поток энергии требовался куда как меньше – не «сжигающий», а «греющий»...

– Ну... посмотрим, – пожал дед плечами. – Ты как, дом посмотреть успел?

– Да откуда? Только душ принял, переоделся – и за стол. А вы с бабусей как обустроились? Не тесно? – Апартаменты родных располагались во втором крыле – напротив наших семейных. Для дедуся с бабусей, как и для тестя с тётшей, было выделено по две комнаты – спальня и гостиная со встроенной кухней. Ещё там была небольшая прихожая и огромный санузел с ванной, душевой кабиной площадью полтора квадратных метра, унитазом, биде и всем, что только душа пожелает. Причём отделаны они были под их вкусы. То есть ещё на этапе отделки им было предложено несколько вариантов одной, из которых они выбрали... Всего таких апартаментов было восемь, занятыми из которых были четыре. Кроме дедуся с бабусей и тестя с тётшей ещё двое были отведены моим папе с мамой и сестрёнке, но они там постоянно не проживали. У сестры с моей любимой был совместный бизнес – косметическая клиника, которую Алёнка создала скорее, чтобы иметь возможность получать в Москве все те процедуры, к которым привыкла в Лос-Анджелесе – ну там маникюр, пилинг, эпиляция-депиляция... не очень я в них разбираюсь, короче. Сейчас, в двухтысячных, Америка пока во всём этом была на голову выше, чем Россия, и Алёнка во всем этом разбиралась вполне себе неплохо. Так что она составила список услуг, обеспечила финансирование, а Катюха взяла на себя оперативное руководство. И их совместный бизнес внезапно выстрелил! Причём так выстрелил, что они не только арендовали для неё помещения в нашем же доме на Котельнической набережной, но ещё и сестрёнка уже присматривала себе квартирку где-нибудь в крыле над клиникой. Ну чтобы добираться до работы в домашних тапочках. Поэтому сестрёнка всю «ковала железо, пока горячо», почти безотрывно торча в клинике... Отец же тоже пока ещё работал в Курчатовском институте. Причём ходили слухи, что у него есть все шансы в течение ближайшего года-двух попасть в число «членкоров». В том числе и потому, что я в своё время подсказал ему заняться весьма перспективной темой под названием «замкнутый топливный цикл», а также выделил под это парочку целевых грантов. Небольшие – в полтора-два миллиона долларов, но это очень сильно подняло его авторитет в институте, поскольку даже один такой грант обеспечил годовое финансирование всего института в области зарплаты, коммунальных платежей и закупки расходников. Увы, наука в девяностые финансировалась от слова «никак»... Ну а мама всю вела «светскую жизнь» с посещением парикмахерских, модных магазинов, массажных салонов, а также всяческих пати и концертов и всего такого прочего, чего на нашем острове пока ещё почти не было. Так что день у неё был весь расписан и весьма насыщен... Но если всё дальше пойдёт так же, как за эти полтора последних года – подобная «оторванность от цивилизации» явно надолго не затянется.

– Да нет. У нас же и в Обнинске двухкомнатная квартира была. Так что мы привыкли – с головой хватает.

– Ну и хорошо!

Я улыбнулся. Блин – как же здорово дома! Особенно в таком доме, в котором вокруг тебя собрались все самые близкие и родные для тебя люди. И который построен именно таким, о котором ты мечтал. Решено – на хрен все тревоги и заботы! Я сделал всё, что планировал в этой своей второй жизни. Так что теперь я буду жить в своё удовольствие и больше ни во что не вмешиваться. И пошло оно всё на...

– Привет, Ром! – я развернулся и, разглядев, кто подошёл, обнял Бурбаша. Он изрядно заматерел и продубился под своим высокогорным солнцем.

– Привет-привет... ну как ты? Скоро твою нобелевку обмывать будем?

– Какой там, – старый друг и соратник махнул рукой, – впереди ещё столько гемора – исследования, тестирования, повтор результатов...

– В смысле? – удивился я. – Ты же уже столько экспериментов провёл. Тучу задействовал – молодых, тридцатилетних, сорокалетних, совсем бабушек... Да и нас своими тестами замутил. Я сам тебе уже литра три своей крови сдал за эти годы... У тебя ж уже статей двадцать в разных журналах вышло, насколько я помню.

Бурбаш усмехнулся.

– Уже сорок две! Но мало ли что я там написал? Может, я просто выдаю желаемое за действительное. Ну, или добросовестно заблуждаюсь. Так что пока мои результаты не повторит кто-нибудь другой, причём достаточно авторитетный, а лучше вообще двое-трое – хрен мне, а не Нобелевка.

– Но то, что она будет, ты же не сомневаешься?

– Насчёт этого – нет, – вздохнул старый друг. – Но когда это будет – туман. Может, через пять лет, а может, через двадцать.

– Ничего – подумаем, как ускорить этот процесс...

Через пару часов я начал позёвывать – ну так только перелёт был почти девять часов, плюс дорога до и от аэропортов, плюс разница во времени, составлявшая аж пять часов... что заметили гости, и меня дружно отправили на боковую.

Перед тем как рухнуть в спальне, я заглянул в свой домашний кабинет. Его оборудовали согласно моим вкусам, но вживую я его до этого момента не видел. Вот и сунул нос полюбопытствовать... Едва я расположился в кресле, как в кармане завибрировал телефон. Я нахмурился. Кому это так не терпится-то? Достав аппарат, я бросил взгляд на экран. «Номер скрыт». Хм. Может, плюнуть? Я ж только приехал. Ну не может сейчас у меня быть ничего срочного. Да вообще не может. Я писатель и частный инвестор – откуда у меня срочности-то?

– Аллю?

– Роман? Хорошо, что ты вернулся, – этот голос с лёгкой хрипотцой я узнал мгновенно. – Извини, что беспокою сразу по приезде, но с тобой хотят пообщаться. Причём человек, которому я не могу отказать. Надеюсь, ты догадываешься, о ком я говорю... Так что подумай, когда сможешь, и перезвони мне. Номер у тебя остался?

Я замер, изо всех сил стараясь не выругаться. Но всё-таки сумел сдержаться и вежливо ответил:

– Да, Евгений Максимович...

Глава 4

– Багаж?

Я молча поднял кожаный рюкзак. Вольготно развалившийся за стойкой регистрации негр безглаголиво поджал губы и, зыркнув в мою сторону злым взглядом, молча протянул мне билет. И чем я ему не понравился? Вежливо ж разговариваю. Впрочем, и он тоже разговаривает вполне вежливо. Но вот зыркает... Неужели узнал? Да не – бред!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.